

Неоплатонизм и алхимия

Очерк учений и главных учителей Эклектической, или Александрийской, школы.

И очерк эзотерических учений алхимиков Средневековья[1]

Александр Уайлдер, доктор медицины
Вице-президент Теософского общества[2]

Перевод на русский язык © 2024 г. Владимир Валентинович Базюкин. Электронный вариант настоящей публикации, осуществлённой издательством Theosophical University Press, ISBN 978-1-55700-257-0. Все права защищены. Данное издание может быть скопировано бесплатно для ознакомления в индивидуальном порядке. За исключением небольших отрывков, никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться или передаваться для использования в коммерческих или иных целях в каком угодно виде без предварительного разрешения издательства Theosophical University Press.

О школе эклектиков

По отношению к себе и своим ученикам Аммоний Саккас применял особое слово — *филалеты*, то есть "любители истины". Иногда их называли также *аналогетами*,[3] поскольку они занимались толкованием всех священных легенд и преданий, мифов и таинств, пользуясь правилом или принципом аналогий и соответствий, а потому и события, происходившие, по преданиям, во внешнем мире, рассматривались ими в качестве выражения деятельности и опыта человеческой души. Однако чаще всего их именовали *неоплатониками*, то есть "новыми платониками", и именно под этим названием они и получили широкую известность.

Время формирования Эклектической теософской школы в литературе, как правило, относят к III веку христианской эры. Судя же по всему, начала её восходят к гораздо более раннему времени: Диоген Лаэртский, например, возводит её к некоему египетскому пророку или жрецу Потамену,[4] жившему в первые годы царствования династии Птолемеев. [5]

С утверждением в Египте царской власти Александра Македонского в новой столице стали одна за другой открываться научные и философские школы. Александрия вскоре приобрела славу литературной столицы, в которой были представлены все вероучения и школы. Общение между

мудрецами Бактрии и верхней Индии с западными философами происходило и до того. Завоевания же Александра, как и походы Селевка[6] и римлян теперь эти связи значительно укрепили. Образованнейшие люди того времени буквально заполнили собой Александрию. Платоники оказались наиболее многочисленной и дольше всех продержавшейся школой. При Филадельфе[7] сюда проник и иудаизм, и теперь учителя эллинистической мудрости соперничали с вавилонскими талмудическими академиями. Наряду с греческими философиями здесь свободно обсуждались системы буддизма, веданты и магизма.[8] Неудивительно, что мыслящие люди той эпохи пришли к заключению, что все терминологические баталии необходимо прекратить, полагая, что из всего многообразия учений вполне можно извлечь некую единую гармоничную систему.

И такое сближение позиций действительно произошло. Так, иудей Аристобул[9] заявлял, что свою этику Аристотель заимствовал из Закона Моисея, а Филон[10] вслед за ним пытался дать толкование Пятикнижия в соответствии с доктринами Пифагора и Академии[11]. У Иосифа Флавия[12] же говорится о том, что Моисееву Книгу Бытия следует понимать философски, то есть метафорически, а воззрения живших у горы Кармел ессеев[13] отразились во взглядах египетских терапевтов[14], которые, в свою очередь, по утверждению Евсевия, были теми же христианами, хотя их учение фактически существовало задолго до начала христианской эры. В свою очередь, христианство также проповедовалось в Александрии, где претерпело аналогичную метаморфозу. И Пантен,[15] и Афинагор,[16] и Климент[17] прекрасно разбирались в философии Платона и осознавали её сущностное единство с восточными системами.

Аммоний Саккас — великий учитель, как будто специально призванный явиться в этот мир, чтобы примирить между собой разнообразные религиозно-философские системы — родился в Александрии в семье христиан. Однако в круг его общения входило и множество людей, которые исповедовали господствовавшую тогда в империи религию. Он был человеком редкой учёности и разнообразных дарований и отличался безупречным образом жизни и дружелюбным нравом. Его почти сверхчеловеческие знания и удивительные качества снискали ему звание Θεοδιδάκτοϛ, "теодидакта", то есть "богом наученного". Однако, следуя примеру Пифагора, он скромно называл себя лишь "филалетом", то есть "любомудром" или "любителем истины".

Первая предпосылка, сформулированная Аммонием, заключалась в том, что система теософии восходит к незапамятной древности, и тогда, в самом начале, она в своих фундаментальных чертах была одинакова у всех народов земли. В своей "Лекции о персах" сэр Уильям Джоунс так сжато сформулировал эту мысль:

"Если опираться на те источники, что приводит Мохсани Фани,[18] то оказывается, что изначальная религия Ирана является, по словам Ньютона, древнейшей (и, можно справедливо добавить, наиболее благороднейшей) из всех религий, твёрдо веровавшей в то, что "мир сотворён силой Единого Верховного Бога, извечно управляется его промыслом, священным трепетом перед ним, любовью к нему и поклонением ему, а равно почитанием собственных родителей и старших по возрасту, братской любовью ко всему роду человеческому и сострадательной заботой даже о диких тварях".[19]

Задачей и целью его было снять все противоречия между любыми школами и народами и слить их доктрины в единое вероучение, оставить все споры и распри и, как дети единой матери, соединиться в одной семье. Один из авторов "Эдинбургской энциклопедии" пишет:

"Он взял за основу общепринятые в Египте доктрины о вселенной и Божестве, составлявшем собою, согласно учению, единое великое целое; а равно и постулаты о вечности мира, о природе души, о великом Промысле и управлении мироздания демонами[20]. Он утвердил систему нравственного поведения, позволяющую людям в целом жить по законам собственной страны и согласно требованиям природы. При этом, однако, он призывал мудрецов ум свой возвышать созерцанием, а плоть умерщвлять, дабы тем самым они обрели способность ощущать присутствие демонов и пользоваться их помощью, а по смерти могли бы вознестись к Всевышнему Отцу. А для примирения общенародных верований и, в частности, христианских с этой новой системой он обратил всю историю языческих богов в аллегорию, утверждая, что те представляют собой лишь небесных слугителей и не заслуживают высочайшего поклонения. Он признавал Иисуса Христа за наилучшего из людей и почитал его другом Божьим, однако заявлял, что в намерения его не входило совершенно покончить с культом демонов, а единственной целью его было лишь очистить древнюю религию".

Как отмечает историк церкви Мосхайм,[21]

"полагая, что философы не только Греции, но даже варварских народов находятся в полнейшем согласии друг с другом по всем фундаментальным вопросам, Аммоний счёл своим долгом соединить догматы всех этих разнообразных школ и изложить их в такой форме, чтобы возникло ощущение, что все они порождены одним и тем же источником и главная цель у всех у них одна и та же".[22]

По словам того же Мосхайма, Аммоний утверждал, что:

" . . . религия толпы шагала рука об руку с той же философией, а потому и разделила судьбу последней: шаг за шагом она постепенно вырождалась и всё больше погрязала в обычной человеческой гордыне, предрассудках и лживости, а значит, её надлежало вернуть к первоизданной чистоте, освободив от всего наносного и подведя под неё философскую основу, а главная задача Христа как раз в том и состояла, чтобы возродить древнюю Мудрость и вернуть ей изначальную чистоту — ввести в определённые рамки всеобщую власть суеверия — и отчасти исправить, а отчасти искоренить все те заблуждения, что проникли в различные общенародные верования".[23]

Как заявлял Аммоний, и доктринальные, и этические элементы той системы, что известна под названием Премудрость, были изложены в Книгах Тота, Гермеса Трисмегиста, откуда и черпали свою философию как Пифагор, так и Платон. В их философиях он усматривал фундаментальное единство с учениями мудрецов далёкого Востока. А поскольку имя "Тот" означает некую "коллегию" или "объединение", то, вполне вероятно, книги эти получили своё название благодаря тому, что являются сборниками оракулов и доктрин жреческого братства Мемфиса. Ту же гипотезу высказал и раввин Вайз (Wise) в отношении божественных изречений, содержащихся в иудейских священных писаниях. Однако, по сообщениям индийских авторов, ещё во время правления царя Кансы Индию покинуло некое священное племя, ядавы,[24] которые двинулись на запад, унося с собой четыре веды. Действительно, между египтянами и восточными буддистами существовало довольно значительное сходство в философских учениях и религиозных обрядах,[25] но вопрос степени идентичности книг Гермеса и четырёх вед остаётся сегодня без ответа.

Однако ясно также и то, что в древности любая страна, претендовавшая на цивилизованность, имела своё эзотерическое учение — систему, обозначавшуюся словом "Премудрость",[26] а те, кто посвящал свою жизнь поиску её, поначалу назывались мудрецами. Позднее же их стали именовать *философами*, "любителями мудрости". Пифагор определял свою систему выражением $\gamma\nu\omega\sigma\iota\varsigma\ \tau\omega\nu\ \acute{\omicron}\nu\tau\omega\nu$, — *гносис*, то есть "знание о сущем". В благородное понятие "Премудрость" учителя древности, мудрецы Индии, персидские и вавилонские маги, провидцы и пророки Израиля, египетские и арабские иерофанты, а также философы Греции и западных стран включали всё то знание, которое они почитали по сути своей божественным, разделив часть его на "эзотерическое", а часть — на "внешнее" знание. Такие "внешние", общедоступные и светские, труды иудейские раввины называли *меркава*,[27] считая, что эти знания образуют то тело, или тот носитель, в котором заключались наивысшие знания. Такое подразделение сохранялось и в области теологии, и в области литургии, оно относилось и к пророчествам, и к музыке, и к

астрономии, и к лекарскому искусству, и к этике, и к государственному управлению.

Таким образом, Аммоний обнаружил, что к началу его труда уже всё было готово. Его глубокая духовная интуиция, знакомство с такими отцами христианской церкви, как Пантен, Климент и Афинагор, а также общение с самыми эрудированными философами того времени — всё это позволило ему справиться со своей задачей, над которой он столь прилежно трудился. Ему удалось увлечь своими взглядами крупнейших учёных и политических деятелей Римской империи, которым было явно не по вкусу тратить своё время на занятия диалектикой или соблюдение обрядов, построенных на чистом суеверии. И плоды трудов его сегодня ощутимы в каждой стране христианского мира, поскольку каждая заметная доктринальная система и сегодня ещё несёт на себе следы его творческой руки. Любая древняя философия не перестаёт находить себе сторонников среди наших современников, и даже иудаизм, древнейший из всех, претерпел изменения под влиянием идей, предложенных "Богом наученного" александрийца.

Подобно Орфею, Пифагору, Конфуцию, Сократу, да и самому Иисусу, Аммоний свои учения никогда не записывал. Широкой публике он вместо этого лишь внушал моральные истины, а, обращаясь к слушателям более подготовленным и обученным, передавал им свои самые важные учения, беря со своих учеников обет молчания, как это делали до него Зороастр и Пифагор или как это было принято при посвящении в мистерии. Если не говорить о нескольких написанных его учениками трактатах, то всё, чем мы сегодня располагаем, это лишь высказывания его противников, по которым мы только и можем догадываться о том, что же на самом деле составляло суть его учения.

Впрочем, Аммоний не являл собою исключение из общего правила. Тот древний культ, который в какой-то мере тогда сохранялся в мистериях, также требовал от неофитов, то есть новообращённых, принесения клятвы о неразглашении того, что им было поведано. Разделял на экзотерические и эзотерические свои учения и Пифагор.

Жившие в Иудее и близ горы Кармел ессеи поступали аналогичным образом, подразделяя своих приверженцев на неофитов, братьев и "совершенных". По словам Ямвлиха, некоторое время у горы Кармел провёл и Пифагор. Тому же обычаю следовал и сам Иисус, когда отвечал, что ученикам его дано знать тайны Царствия Небесного, тогда как толпе этого знать не дано, а потому он и говорил с нею притчами, содержащими в себе двойной смысл. Оправдывал себя он следующими заповедями:

"Не давайте святыни псам, и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями; чтобы они не попрали его ногами своими, и,

обратившись, не растерзали вас".[28]

Восточные маги[29] обучались и получали посвящение в пещерах и тайных ложах Бактрии, а пророка Даниила, по преданию, Навуходоносор даже назначил главой всего учёного класса, так что этот пророк с тех пор стал именоваться *раб маг*. Судя по книгам Иосифа Флавия, Филона Иудея и Моисея Маймонида, иудеи также владели тайными учениями. По утверждению Иосифа, Моисей писал Книгу Бытия как философ и эзотерик, тогда как Филон пытается раскрыть её тайный внутренний смысл. Вот что, например, говорил Маймонид:

"Если кто откроет подлинный смысл Книги Бытия, то должен он уберечься, дабы не разгласить его вслух. Такова заповедь, которую не устают повторять нам все наши мудрецы, а превыше всего это относится к шести дням трудов [творения — *перев.*]. Если же кто вдруг раскроет истинный смысл этого, сам ли или с помощью другого, то надлежит ему молчать об этом, а если и говорить, то говорить лишь языком тёмным и загадочным, как делаю это я, предоставляя разгадку тем, кто способен понять меня".[30]

Авраам, в имени которого явно слышится слово "брахман", был, по преданию, выходцем из Ура — касдимской[31] или магийской коллегии или общины, и, как рассказывает Иосиф, он обучал *математике*. [32] На языке пифагорейцев слово "математика" обозначала эзотерическое знание.[33] Моисей же, *М'уса*, [34] то есть великий мудрец-израильтянин, по преданию, обучился всей премудрости египетской, став жрецом их же собственной религии и посвящённым, или адептом, их тайного знания. А, по утверждению ап. Павла, история, связанная с Авраамом и двумя его сыновьями, является аллегорией, в которой провидится возникновение иудейской и христианской систем. Климент же, будучи посвящённым в Элевсинские мистерии, якобы утверждал, что представленные в них учения содержат в себе всё знание, какое только существует, и восходит оно к Моисею и пророкам.

Общее сходство характера религиозно-философских воззрений античности ясно указывало Аммония путь, по которому ему надлежало пойти. При содействии Климента и Афинагора со стороны церкви и "учёных людей" со стороны синагоги, Академии[35] и Роши[36] он и осуществлял свой труд, проповедуя общее для всех учение. При этом ему оставалось лишь следовать тем "древним принципам Гермеса, о которых Платон и Пифагор узнали прежде и на которых и построили свою философию". А обнаружив созвучные мысли и в начальных стихах Евангелия от Иоанна, он вполне справедливо предположил, что Иисус также ставил перед собой задачу восстановить великое учение о Премудрости в её первозданной чистоте. Что же касается библейских преданий и сказаний о богах, то Аммоний считал их иносказаниями,

назначенными открывать истину, в противном же случае они могли быть лишь баснями, не заслуживающими никакого внимания.

Деление на неопитов, посвящённых и мастеров, характерное для филалетов, было заимствовано ими из мистерий и философских систем. Сохранились письменные свидетельства, согласно которым Аммоний связывал каждого своего ученика обетом молчания в отношении самых глубоких своих учений, и обсуждать их ученику разрешалось лишь с теми, кто был для этого достаточно подготовлен и обучен. О том, насколько это условие было справедливым, можно судить по глубоко мистическому характеру тех доктрин, которым удалось-таки вырваться за стены храмовых подземелий.

Эклектическая система имела три главных отличительных черты, а именно: теория Божества, учение о душе человека и теургия. Современные авторы, комментирующие своеобразные взгляды неоплатоников по этим вопросам, чаще всегда представляют их в неверном свете, и в том нет их вины или злого умысла. Да и то гигантское различие, что лежит между природой древнего и современного знания, в значительной мере не позволило исследователям последующих веков правильно понять ключевые элементы теософии филалетов. То воодушевление, которое в наши дни частенько принимается за истинное богопочитание, едва ли способно послужить помощником современному исследователю, как не имеет ничего общего и с тем страстным воодушевлением, с которым трудились древние философы-мистики.

Основу основ учения новых платоников составляло представление о единой наивысшей эссенции. Это тот самый *Diu*, "Царь Небесный" у арийских народов, идентичный тому *Iaω*, *Iaο*, которому поклонялись халдеи и иудеи. Это самаритянский *Iave* (*Iabe*), скандинавский *Тью* (или *Тюр*), *Дью* (*Duw*) у бриттов, *Зевс*[37] у фракийцев и *Юпитер* у римлян. Это был Сущий, *Facit*, единый и наивысший. От него путём *эманации* возникло и всё остальное сущее. Это учение об *эманации* сегодня, похоже заменила собою теория *эволюции*. Однако подлинный мудрец легко соединит обе эти гипотезы. Имена же этих божеств, судя по всему, зачастую изобретались без особого учёта каких-либо этимологических соображений, а главным образом исходя из того мистического смысла, который вытекал из числового значения конкретных букв, входящих в написание этих имён.

Все философии древности содержали в себе учение, по которому Θεοί [*theoi*], то есть "боги", или "управители", ангелы, демоны, а также все прочие духовные силы возникли в ходе эманации из Наивысшего Сущего. Из книг Гермеса Аммоний почерпнул доктрину, согласно которой из Божественного Всё произошла Божественная Премудрость, Амон; из Премудрости возник демиург, Творец; а из Творца — второстепенные

духовные сущности и в самую последнюю очередь наш мир со всеми населяющими его народами. Первый содержится во второй, первый и вторая — в третьем и так далее по всему ряду бытия.[38]

Почитание принадлежащих к более низким духовным разрядам существ вызывало обвинения древних в *идолопоклонстве*, хотя этих упреков меньше всего заслуживали философы, признававшие лишь Единосущего и говорившие о необходимости понимать *υπόνοια* [*гипонойю*], то есть второй смысл, под которым они разумели ангелов, демонов и героев. Как писал Эпикур,

"Боги действительно существуют, но представляют они собой вовсе не то, что думает о них толпа, οἱ πολλοί. Неверный или атеист — не тот, кто отрицает существование богов, которым поклоняется толпа, а тот, кто навешивает на этих богов мнения толпы".[39]

Аристотель же утверждает:

"Весь мир природы целиком пронизан божественной эссенцией, а те, кого именуют богами, суть лишь его первоначала. Мифы и сказания были придуманы лишь затем, чтобы сделать религиозные системы понятными и привлекательными для людей, которые иначе не стали бы проявлять к ним должного внимания и почтения".[40]

Так, сказания о Юпитере, об осаде Трои, о странствиях Одиссея — это не что иное, как басни и сказки, при этом имеющие, однако, глубокий второй смысл.

"Все люди тянутся к богам",

говорит Гомер. Таким образом, все древние культуры ясно указывают на наличие некой единой теософии, существовавшей задолго до них всех. И подлинный ключ — это тот, которым можно открыть всё, иначе это не подлинный ключ.

Эклектики, или филалеты, восприняли главную суть этих доктрин, а основные различия между ними лежат лишь в терминологической плоскости. Вслед за древними мудрецами они учили тому, что всё сущее возникло из Наивысшего Божества, и процесс этот протекал последовательно в виде ряда дискретных эманаций, различающихся между собой качественно. Как утверждает Ямвлих, существуют четыре иерархии бытия: боги, демоны, герои и души. Теософия как раз и способна объяснить смысл слов ап. Павла о том, что "всё сущее изошло от Бога", как и утверждения Иисуса: "Царство Божие внутри есть" [Лк. 17, 21 — *перев.*]. И это вовсе не было попыткой пойти против христианства ради возрождения язычества, как полагают Ллойд, Мосхайм, Кингсли и другие. Скорее, это было попыткой извлечь из имевшихся на тот момент учений

всё самое драгоценное и, не останавливаясь на этом, идти дальше в своих изысканиях. Разумеется, не было и речи о создании такого *аватара* язычества.

Первым крупнейшим толкователем системы неоплатонизма стал Плотин, происходивший из египетского Ликополя. Ему было 28 лет от роду, когда в 233 году он в Александрии приступил к изучению Платона и Аристотеля, а вскоре увлёкся знаменитым сочинением Филострата "Жизнь Аполлония Тианского" наряду с трудами Плутарха и Апулея. В разгар этих занятий он и познакомился с Аммонием Саккасом. Великий учитель нашёл в лице Плотина достойного ученика. Для "богом наученного" Аммония Плотин стал тем же, чем для Сократа был Платон, а для основателя христианства ап. Иоанн. Именно Плотину, Оригену и Лонгину мы и обязаны всем тем, что сегодня знаем о системе филолетов. Они прошли надлежащую подготовку и были посвящены в эзотерические доктрины. Что касается Оригена, то о нём сохранилось немного сведений. О Лонгине мы знаем, что он много странствовал, пока наконец не осел в Пальмире. Какое-то время он находился советником при пальмирской царице Зенобии. После захвата города она написала просительное письмо императору Аврелиану, возложив ответственность за свою политику на Лонгина,^[41] который в конце концов и был казнён.

Одним из учеников Плотина был еврей Малк, сегодня широко известный как выдающийся философ Порфирий.^[42] Он-то и собрал воедино все труды своего учителя. Собственному его перу принадлежат несколько трактатов, в которых он иносказательно толкует ряд мест из Гомера. Представленные в мистериях доктрины изложил в одном из своих трудов Ямвлих, которому также принадлежит и жизнеописание Пифагора. По обстоятельствам жизни последний в труде Ямвлиха столь живо напоминает фигуру Иисуса, что можно было бы подумать, будто речь идёт почти об одном и том же лице. В подобном же ключе описывали и биографию Платона Диоген Лаэртский и Плутарх.

В возрасте 39 лет Плотин вместе с армией римского императора Гордиана отправился в поход на Восток, где хотел пройти обучение непосредственно у мудрецов Бактрии и Индии. Однако по пути туда император был убит, а сам философ только чудом спасся. Он вернулся на родину и вскоре переехал в Рим, где учредил школу по обучению философии в форме бесед. В школу эту допускались как мужчины, так и женщины всех возрастов и любого звания. К нему с глубоким почтением относились и сам император, и императрица, а ученики смотрели на него почти как на существо, явившееся к ним из высшего мира. Один из них, сенатор Рогациан, даже дал вольную своим рабам и отказался от всех своих званий с тем, чтобы целиком отдался делу распространения мудрости. Репутация Плотина была столь высока, что ему неизменно доверяли опеку над сиротами и вверяли в управление огромные

поместья. В Риме он прожил 28 лет, не нажив ни единого врага среди людей, которым оказывал услуги.

По его учению, гносис, то есть знание, имеет три степени: мнение, знание и озарение.

"Средством или инструментом у первого выступает чувство, или восприятие; у второго — диалектика; у третьего — интуиция. Разум для последнего играет подчинённую роль, поскольку это абсолютное знание, вытекающее из отождествления ума с познаваемым предметом".[43]

Необходимо признать, что эта система обеспечивала высочайшее духовное развитие. Плутарх писал:

"Конечной целью египетских ритуалов и мистерий являлось познание Единого Бога, который есть Господь всего сущего и различим одной лишь душой. Их теософия заключала в себе два толкования: одно священное и символическое, а другое — общедоступное и буквальное. А изображения животных, которыми испещрены их храмы и которым они, как считается, поклонялись, — это всего лишь иероглифы, долженствующие символически изображать божественные качества".[44]

Заметим, что именно эти мистерии, судя по всему, и составили основу системы эклектиков.

Поскольку человеческая душа рассматривалась как эманация Божества, как его детище, то и внимание системы филалетов было целиком обращено на развитие и совершенствование её божественных способностей. Как учил Плотин, в душе заложен импульс к возврату — любовь, влекущая душу внутрь, к своему истоку и тому центру, из которого она изошла: к Вечному Благу. Человек, не знающий о том, что душа заключает внутри себя понятие о Прекрасном, будет усердно пытаться постигнуть красоту внешнюю. Мудрец же распознаёт её внутри себя, постигает эту мысль, погружаясь внутрь себя самого, сосредотачивая на этом всё своё внимание и тем самым воспаряя всё выше в направлении к божественному роднику, поток из которого течёт внутри него самого. Бесконечное не поддаётся познанию с помощью разума, который способен лишь проводить различия и давать определения. Для этого необходима способность, превосходящая разум, вхождение в такое состояние, в котором человек как бы перестаёт быть своим конечным "я", и тогда ему передаётся божественная эссенция. Это и есть то состояние *экстаза*, которое Плотин определяет как освобождение ума от конечного сознания, как слияние и отождествление с Бесконечным. Такое возвышенное состояние длится недолго и переживается лишь в короткие промежутки времени, а достижению его способствует многократно повторяемое

воздержание, очищающее и возвышающее ум. Средства же для обретения этого таковы: любовь к красоте у поэта, любовь к знанию у философа, любовь и молитва у подвижника.

По признанию Плотина, он переживал подобный высокий экстаз шесть раз. По словам Порфирия, Аполлоний Тианский четырежды в своей жизни внутренне сливался с Божеством. Сам же Порфирий испытал это состояние лишь один раз, когда ему было уже за шестьдесят лет от роду.[45]

Исходящий от Божества свет был дарован человеческому духу в неограниченном достатке, обеспечивающем душе возможность соединения с божественным и позволяющем ей, всё ещё находящейся в теле, быть между тем сопричастной той жизни, что не от тела. Так, говорит Ямвлих, душа, созерцая блаженные видения, обретает иную жизнь, действует по законам иной энергии и, можно справедливо сказать, уже больше не принадлежит к разряду обычного человечества. Нередко, кроме того, оставляя собственную свою жизнь, она меняет её на радостнейшую энергию существ небесных. Испрашивая в своих мольбах, мы невольно приходим к тому, к кому направляем свои вопрошания; из этой близости мы обретаем с ним сходство и мало-помалу достигаем божественного совершенства. А оказавшись сопричастными божественной природе, мы становимся и обладателями самого Бога.

Вот что, в частности, говорил сам Платон:

"Молитва есть жаркое обращение души к Богу для того, чтобы испросить у него не какое-то конкретное благо, а благо само — всемирное наивысшее Благо. Частенько мы по ошибке принимаем вредное и опасное за полезное и желанное. А потому, оказавшись в присутствии божеств, пребывай в молчании, пока те не снимут пелену с глаз твоих и не позволят тебе узреть в исходящем от них свете то, что есть подлинное благо, а не то, что представляется тебе таковым".[46]

Плотин также учил тому, что каждый человек обладает внутренним чувством, способностью под названием *intuitio*, то есть духовным инстинктом, который развивается надлежащей практикой и позволяет воспринимать и постигать актуальное и абсолютное более совершенно, чем с помощью упражнения одних лишь способностей к логическому рассуждению или внешних органов чувств. Здесь речь идёт о такой проекции сознания из субъективного в объективное, при которой то, что относится к человеческому "я" — что заключено в уме и сердце — начинает представляться как нечто, образующее и все окружающие человека вещи. Именно так образуются и наши сны; мы способны видеть и беседовать с окружающими нас людьми, наблюдать предметы и события, хотя при этом все они являются лишь творением нашего

собственного ума — отражением, отбрасываемым нашим умом в некую среду, напоминающую как бы окружающее нас со всех сторон зеркало. Порой, находясь в бодрствующем состоянии, люди обнаруживают, что как будто вполне серьёзно ведут разговор с кем-то невидимым, но затем вдруг осознают, что всего лишь говорят с самими собою, что это всё лишь процесс логического рассуждения вслух, имеющий в действительности чисто субъективную природу, хотя разговор представляется им вполне объективным. Ямвлих говорит:

"Ум человеческий обладает одной способностью, которая ставит его превыше всего рождённого или иначе произведённого на свет. Через него мы обретаем способность соединяться с высшими разумами, переноситься за обычную обстановку и условия этого мира и причащаться жизни вечной и особым силам небожителей. Благодаря этой способности мы освобождаемся из-под власти Рока и становимся как бы арбитрами своих собственных судеб. В самом деле, когда наилучшая наша часть наполняется энергией и душа возносится к природам более возвышенным, чем она сама, тогда душа отрывается от тех условий, что удерживают её во власти текущей обыденности мира, она отдаёт своё настоящее в обмен на жизнь иную, отрекается от условностей, присущих внешнему порядку вещей, ради того, чтобы целиком отдаться порядкам, свойственным жизни высшей, и слиться с ними".[47]

Мы начинаем с инстинкта, а заканчиваем всеведением. Это уже прямое созерцание — то, что Шеллинг определяет как окончательное отождествление в одном индивиде субъекта и объекта. И тогда индивид сливается с этим отождествлённым субъектом-объектом, именуемым Божеством, и, как бы вынесенный за пределы себя самого, он начинает мыслить божественными мыслями и обозревать вещи с точки их наивысшего обзора — он, по выражению Эмерсона, "слышит в себе душу мира".[48] Ещё более кратко выразил ту же самую мысль Платон:

"Свет Божества и дух — всё равно что крылья для души, несущие её вверх к соединению с ним и поднимающие его над землёю, которою ум человеческий так легко склонен обмарать себя.

Уподобиться Богу значит быть безгрешным, справедливым и мудрым. Именно ради этого и рождается человек, это и должно стать целью его в поиске знания".[49]

Эти люди, очевидно, действительно обладали способностью к пророчеству, в народе известному как "ведовство". Говоря о своей способности, Аполлоний утверждал:

"Настоящее и будущее я вижу, как в ясном зеркале. Мудрецу незачем ожидать истечения земных паров[50] или каких-то

ухудшений в окружающем воздухе, чтобы предвидеть пришествие чумы или лихорадки. Должно быть, он узнаёт об этом позже Бога, но раньше людей. Боги, *theoi*, способны видеть будущее, простой народ — настоящее, а мудрецы — то, что должно вот-вот случиться. Тот особо умеренный образ жизни, который я веду, настолько обостряет мои чувства или формирует какую-то иную способность, что позволяет совершать великие и самые замечательные вещи".[51]

Эту способность можно назвать *духовной фотографией*. Душа выступает здесь в роли фотографического аппарата, в котором запечатлеваются факты и события, принадлежащие одинаково и к будущему, и к прошлому, и к настоящему, и все они становятся предметами осознания умом. За пределами границ нашего обыденного мира всё — как один день или как одно состояние: прошлое и будущее там заключены в настоящем. Это, вероятно, и есть тот самый "великий день", "последний день" или "День Господень", о котором говорится в Библии — день, в который человек может попасть либо через смерть, либо через *экстаз*. Тогда душа освобождается от всех налагаемых телом ограничений, и наиболее благороднейшая её часть соединяется с высшей природой, причащаясь той премудрости и тому провидению, которыми обладает наивысшее сущее.

Ученики приписывали Плотину самые чудесные способности. По их утверждениям, он способен был читать тайные мысли людей. Когда Порфирия стали посещать мысли о самоубийстве, Плотин узнал об этом при отсутствии всяких внешних признаков. А когда в одном доме произошла кража, он созвал всех домашних и точно указал на виновного. Он никогда не оскорблял религиозных чувств толпы, однако когда один из друзей позвал его принять участие в многолюдном богослужении, то он ответил:

"Пусть они сами явятся ко мне".

Когда Иисус заявил, что "Сын Человеческий есть господин субботы", [52] то высказал вслух ту же идею, которую повторил и Плотин, требуя, чтобы жертвоприношения явились к нему. [53]

По сохранившимся свидетельствам, и Плотин, и Ямвлих, и Аполлон Тианский обладали даром предвидения и исцеления болезней. Первое из этих искусств, наряду с языческими оракулами, практиковали также ессеи и *B'no Nabim* [54] среди иудеев.

"Я не пророк и не сын пророка", [55] —

говорил Амос, обвинённый в том, что пророчествует о дурном,

" . . . но Господь призвал меня".

Аполлоний, как пишет об этом его биограф, Филострат, был способен исцелять больных и воскрешать мёртвых, да и другие в те дни, как рассказывают, могли чудесным образом исцелять больных.

Как отмечает один немецкий автор,

"Это братство особенно отличалось необыкновенным знанием всех возможностей искусства врачевания. Они исцеляли не чарами, а простейшими травами".[56]

Чаще всего именно их мастерство в исцелении болезней, вероятно, и создавало им славу подлинных чудотворцев.

Более чем вероятно, однако, что в качестве средства они использовали столь широко известный животный магнетизм. Применяли его обычно следующим образом: на больное место или рядом с ним мягко накладывали руку и слегка поглаживали поражённое место, произнося при этом заклятья и заговоры. В последнее время стало модным на эти методы навешивать ярлык шарлатанства, но эти способы исцеления, судя по всему, существовали во все века и у самых разных народов. Демонов и болезни испокон веков изгоняли священными заклинаниями.

Очевидно, что эти мистики были большими мастерами в искусстве врачевания и знали толк в травах, однако все их открытия погибли вместе с Александрийской библиотекой. Не случись этого, возможно, в мире существовала бы и эклектическая школа медицины — детище науки "восточных мудрецов".[57] Впрочем, они оставили нам свою алхимию, то есть мистическую философию. Однако последующие исследователи, толкуя её чересчур буквально, не разглядели иносказательный её смысл, и в ходе дельнейших изысканий в этой области возникла наука химия.

Ямвлих расширил границы, в пределах которых до него действовали остальные эклектики, и дополнил их теософию доктриной теургии. По его учению, человек должен внутренне подняться на такую высоту, чтобы суметь вступить в общение с духовными и небесными существами, овладеть их знаниями и волей и властвовать над ними так же, как бог властвует над низшими природами. Судя по всему, он был хорошо знаком с такими явлениями, как месмерический транс и ясновидение, поскольку описывает их с поразительной точностью. Как следует из его учения, идея Бога запечатлена в душе человека, но не рационалистическим или логическим путём, а в виде духовного отпечатка, который вечен и существует столько же, сколько и сама душа. Что же касается всевозможных разрядов и чинов духовных существ, то все они просто служат посредниками между Богом и человеком. Их предзнание распространяется на всё и заполняет собою всё, что только способно его воспринять. Кроме того, они могут выступать в роли советчиков для

человека и в часы его бодрствования, они передают душе способность более широкого взгляда на вещи, сообщают дар исцеления от болезней, способность к совершению открытий в искусстве и обнаружению новых истин. Подобное вдохновение может иметь целый ряд степеней, и иногда его получают в наивысшей, иногда в средней, а иногда лишь в самой слабой степени.

Молитва, воздержание, иногда доходящее до аскетизма, и созерцание — таковы некоторые средства, применяемые в ходе необходимой теургу подготовки. Ямвлих рассуждает о молитве с жаром христианского святого. Вера в сверхъестественное, столь неприемлемая широкому мнению, не простирается дальше пределов, очерченных в Библии. Она была свойственна и евреям-ессеям, жившим, по Плинию, близ Мёртвого моря *per seculorum millia*, — на протяжении тысяч веков. Законной задачей Ямвлиха вовсе не являлась разработка практики тауматургии, колдовства, некромантии и предсказания судьбы, нет, целью его было формирование наивысших способностей и чувств. Булвер, очевидно, хорошо знакомый с идеями неоплатоников и близких ему учений, реалистично описывает следующая картину:

"Наконец в глазах этой горстки людей во мраке забрезжил свет, но не думай, нет, эта заря не была обещана тем, кто . . . пребывал под властью Отца Зла. Как тогда, так и теперь, она могла быть ниспослана лишь душе, способной к переживанию чистейшего экстаза, и уму, не отвлечённому пошлыми требованиями жизни, запросами пустого праха земного. Нет, они не унижали себя, обращаясь к лукавому духу за содействием, ими двигало высокое стремление приблизиться к Роднику всех благ, и чем больше они освобождались из-под тёмной власти планет, тем глубже в них проникали сияние и благоволение Божье. И если они искали и наконец нашли средство, открывающее взору духа секрет всех этих тончайших переливов бытия и материи, если они поняли, что крылья духа способны уничтожить любые пространства, и, даже когда плоть, точно покинутая гробница, твёрдо и прочно стоит здесь,.. свободная *Идея*, воспарив, способна переноситься от звезды к звезде: если, повторяю, они это всё-таки поняли, то, пусть даже в этом одном только и заключалась наивысшее сокровище их знания — они достойны удивления, почитания и поклонения!"[58]

Последним видным представителем эклектической школы был Прокл. Его труды отличаются особенно глубокой (если это, вообще, возможно!) проработкой и отточенностью мысли по сравнению с работами его предшественников. Он подробно разрабатывает высказанные Ямвлихом идеи теургии, а поскольку главное средство для достижения духовного просветления он видит в молитве, то на первое место он и ставит веру.

По Проклу, всё начинается с учений Орфея, именно они и породили все последующие системы. Он говорит:

"То, что Орфей изложил тайным языком иносказаний, Пифагор узнал при посвящении в орфические мистерии, а вслед за ним Платон почерпнул как совершенное знание из орфических и пифагорейских трудов".[59]

Вслед за Аристотелем он утверждает:

"Существует множество низших *theoi*, но лишь один Движитель. Всё, что касается человеческой формы и человеческих качеств этих божеств, — просто выдумка, придуманная для простонародья, дабы держался он рамок разумных законов. Первоначалом же не являются ни огонь, ни земля, ни вода, ни что-либо ещё, поддающееся восприятию чувствами. Причиной Мироздания является духовная субстанция, источник всего миропорядка, всей красоты, всех видов движения и всех форм, вызывающих у нас восхищение. Всё должно сводиться именно к этой единой первосубстанции, которая управляет всем, подчиняясь только Первому. Таково общее учение древних, истина которого, по счастью, избежала крушения о скалы заблуждений простонародья и поэтических басен.

В посмертии душа продолжает бытие в "воздушном" теле, пока целиком не очистится от страстей в виде гнева и сластолюбия, после чего она в ходе второй смерти отбрасывает от себя "воздушное" тело ровно так же, как сделала это прежде с земным. Вот почему древние и говорят о существовании вечно соединённого с душой небесного тела — бессмертного, лучезарного и звездоподобного".[60]

Прокл доработал всю теософию и теургию своих предшественников, превратив их в единую завершённую систему. Как и еврейские раввины и гностики, он питал совершеннейшее благоговение к *Абрасаксу*. [61] священному имени, Слову, и вместе с Ямвлихом верил в возможность обретения такой божественной силы, которая, преодолевая условия земной жизни, делает человека неким вестником Бога, способным изрекать премудрость, сам не понимая её, то есть становится глашатаем наивысшей воли. Более того, как он предполагал, должны существовать даже какие-то мистические "пароли", которые пропускали бы человека из одного чина духовных существ в другой, всё выше и выше, пока он не достигал абсолютного божества. Вера, как он внушал, способна наделить человека таким талисманом.

Школа эклектиков просуществовала несколько веков, и числила в своих рядах самых способных, самых просвещённых людей своего времени. Их

учения были целиком восприняты как язычниками, так и христианами, как в Азии, так и в Европе, и какое-то время казалось, будто всё складывается в пользу возникновения единого сплава религиозных верований. Они получили высшее одобрение со стороны императоров Александра Севера[62] и Юлиана[63]. Однако их господствующее воздействие на религиозные убоастроения людей вызвало ревность со стороны александрийских христиан. Так было совершено нападение науськанной неким церковнослужителем толпы на знаменитую Ипатию,[64] преподавателя [неоплатонической школы в Александрии, *Мусейона* — *перев.*], учителя епископа Синезия,[65] дочь Теона.[66] Она была силой притащена в храм, где была и убита. Школа была переведена в Афины и окончательно закрыта при императоре Юстиниане. Преподаватели её бежали в Персию, где обрели множество учеников.

Воздействие этих великих учителей ощущалось на протяжении всех последующих веков. В различные периоды Средневековья рождались замечательные мыслители, проповедовавшие те или иные фундаментальные учения герметизма. Мистики и квиетисты,[67] суфии[68] и теософы всех оттенков всегда щедро черпали из тех сокровищ, которые в таком изобилии были оставлены филалетами-неоплатониками. Не были исключениями ни Эммануил Сведенборг, ни Якоб Бёме, а мадам Гюйон[69] могла бы составить славнейшего единомышленника Ямвлиху. Едва ли во всём христианском мире можно найти вероучение, которое не было бы обогащено подобным образом, а художественная литература не почерпнула бы оттуда свои изысканнейшие образы и фигуры речи.

Кроме того, и по своему характеру эти люди, как и следовало ожидать, в высшей степени соответствовали той утончённой системе доктрин, которые они разрабатывали. Плотин снискал всеобщее уважение своей честностью, Аполлоний — почти сверхъестественной чистотой образа жизни, Аммоний — дружелюбием, Ямвлих — благочестием, а Прокл — своим мягким нравом. Вот как в своём "Трактате о гностицизме" описал их нравственный кодекс М. Мэттер:

"Те нормы нравственности, которые *гносис* предписывал человеку, вполне отвечали его естественным запросам. Обеспечивай тело тем, в чём оно нуждается, но ограничивай во всём избыточном. Питай дух свой всем, что способствует его просветлению, укреплению и уподоблению Богу, образом которого он является. Стремись к единению его с Богом, эманацией которого он является. То же самое предписывается платонизмом, и того же самого требует и христианство".

При всех своих очевидных изъянах доктрины филалетов заслуживают всеобщего одобрения уже тем, что в качестве фундаментальной идеи

выдвинули концепцию братства всех людей и мысль о возможности самосовершенствования. Их благородной целью было установление власти мира на земле, которая должна была сменить собою утвердившуюся в предыдущие века власть меча, сводившую миллионы людей в смертельной схватке друг с другом и приводившую к опустошению стран и регионов во имя религии.

О герметической философии, или алхимии

Вот уж минул век с тех пор, как французские энциклопедисты впервые впрыснули изрядную долю скептицизма в кровеносную систему цивилизованного мира, после чего стало положительно неприличным верить в реальное существование того, что не может быть наглядно продемонстрировано в тиглях или доказано методом критической логики. Даже сегодня нужно быть человеком самой безупречной репутации и обладать, к тому же, немалой смелостью, чтобы пускаться в обсуждение темы, которая годами отвергалась как нечто недостойное внимания науки по той лишь причине, что не была глубоко и правильно осмыслена ею. Право, большим мужеством должен обладать человек, когда пытается объяснить, что герметическая философия есть нечто большее, чем пустое притязание на научность, и, пытаясь донести её основные положения, требует к себе терпеливого внимания. Как бы то ни было, в число её подвижников когда-то входили и общепризнанные звёзды первой величины, сиявшие на небосводе науки, и подлинные герои среди людей простого звания. Кроме того, не стоит и презрительно сбрасывать со счетов то, к чему люди питали безграничное благоговение в иные эпохи, да и пренебрежение чужим искренним мнением не является признаком высокой просвещённости и великодушия ума.

Об алхимии почти повсеместно сложилось представление как о псевдонауке, которая учила тому, как методом трансмутации из неблагородных металлов можно получать золото и серебро, а защитники её ещё и в наши дни либо получают ярлыки простодушных жертв обмана, либо сами считаются шарлатанами и мошенниками. В подобные разряды их записывают авторы учёных книг, и предубеждение это за минувшие годы настолько прижилось, что сегодня почти не оставляет надежд на возможность его полного искоренения. Тот особый язык, на котором изъяснялись между собой алхимики, сегодня слывёт чистейшей "тарабарщиной", и сам этот уничижительный термин кажется вполне логичным аргументом в глазах тех людей, убеждения которых складываются под влиянием оскорбительных наименований.

И всё-таки непредвзятый критический разбор трудов философов-герметиков вполне способен, как представляется нам, выволить ум любого рационально мыслящего человека из плена

предрассудков. Совершенно очевидно, что их связанные с трансмутацией металлов указания едва ли имеют хоть какое-то отношение к тем общеизвестным операциям, которые сегодня мы знаем как *химию*. Тем не менее, было бы самонадеянно считать таких людей, как Роджер Бэкон, Бургава и Ван Гельмонт, невежественными глупцами и обвинять их в шарлатанстве. А потому в этом очерке мы попытаемся проследить ход учёных изысканий ещё в одной области знания и укажем на подлинный масштаб их науки — философии, существовавшей в те дни под названием "алхимия".

Когда эта система возникла впервые, никто точно не знает. Одни называют первым её адептом самого Адама, другие относят её появление к "сынам Божиим", о которых рассказывается в 6-й главе Книги Бытия: они брали себе в жёны дочерей человеческих и посвящали их в необыкновенные тайны творения. В первом ряду обладателей герметического знания называют также Моисея и Соломона — первого, поскольку тот владел "всею премудростью египетской", а второй, будучи наимудрейшим из людей, имел с помощью своей таинственной печати и особого пароля особую власть над духами. Уже у писателей древности мы находим выражения, указывающие на существование этого рода знания. "Колыбель его", — отмечает Оле Борх, — "искать следует в глубине времён". Упоминает о герметике и Климент Александрийский. Герметиком был и философ Демокрит Абдерский. Но нам нужды здесь слишком задерживаться на всех этих упоминаниях.

Любая достигшая известного расцвета наука — будь она естественной или метафизической — включалась в то, что было известно под древним наименованием "магия" (это персидское слово означало "знание"). Люди же, принадлежавшие к классу жрецов или учёных, именовались *магами*. Кроме того, мы встречаем упоминания о них под именем *халдеи*. Не будем забывать, что и пророк Авраам принадлежал к числу халдеев или *касдим*: как пишет Иосиф Флавий, тот обучал *математике*, то есть эзотерическим знаниям, в Египте. В состав древнего знания входила и литература о звёздах, так что эти маги были, помимо прочего, ещё и астрологами.

Что же касается алхимии, то едва ли можно считать, что она входила в состав того древнего знания, которым обладали маги-халдеи. Скорее, она явилась развитием оставленного ими наследия. Вот как вкратце описывает её начальную историю Уильям Годвин, автор знаменитого трактата о политической справедливости[70] и отец покойной миссис Шелли[71]:

"В числе различных занятий, вызывавших любопытство у активных умов тех непросвещённых веков, была и трансмутация обычных металлов, превращавшая их в золото и серебро. Хотя по своей природе искусство это и не имело ничего общего с собственно некромантией, оно, тем не менее, высоко ставилось его

последователями вследствие существовавшей якобы связи его с астрологией и даже с общением с невидимыми духами. Как они полагали, исследования такого рода могли иметь успех лишь в тех случаях, когда планеты находились в благоприятных для этого аспектах, и, более того, для этого было абсолютно необходимым заручиться помощью сверхъестественных сил . . . [72]

. . . Первым аутентичным свидетельством в этой области является эдикт Диоклетиана,[73] жившего триста лет спустя после Христа. Этим эдиктом предписывалось развернуть тщательный поиск в Египте любых древних книг, толкующих об искусстве получения золота и серебра, которые затем все без разбора подлежали сожжению. Из этого эдикта, однако, можно сделать вывод об известной древности такого рода искусства, и легендарная история в числе виднейших его представителей называет имена Соломона, Пифагора и Гермеса.[74]

Начиная с этого времени, изыскания как бы впали в спячку и пребывали в ней до тех самых пор, пока не были возвращены к жизни арабами пять-шесть столетий спустя. Общеизвестно, однако, с каким пылом к ним возвратились после появления откровений Гебера. Исследованиям в этой области посвящали свою жизнь самые даровитые умы того времени и, судя по источникам, в целом ряде случаев были сделаны важные открытия".[75]

В его кратком очерке обращают на себя внимание два примечательных обстоятельства: заявления алхимии о себе как о древнем знании и то, что следы её ведут именно к тем странам, где распространение получила философия неоплатоников. К этому нужно добавить ещё и то обстоятельство, что последователи алхимии называли себя учениками одних и тех же великих учителей: Аполлония, Плотина, Порфирия и Ямвлиха — и разделяли одни и те же учения. Поскольку же такой мифический персонаж, как Гермес,[76] "трижды великий", который, — судя по его египетскому имени, *Тот* (что значит "коллегия"), должен, по-видимому, олицетворять коллективный голос жреческого класса Египта, — алхимиками считается одним из своих первоучителей, то не требуется особой фантазии, чтобы предположить наличие тесного родства, а то полной идентичности, между теми и другими. Очевидно, что и мистики, и философы, и так называемые маги, и астрологи, и алхимики эпохи Средневековья должны были разделять одно и то же течение мысли, придерживаться весьма сходных взглядов и использовать фигуры речи, весьма сходные между собой, хотя и отличающиеся в сугубо технической терминологии.

В своём "Лексиконе" Свида даёт следующее толкование идеи "золотого руна":

Δέρας ("дерас") — золотое руно, которое во время своего плавания через Чёрное море в Колхиду захватил Ясон с аргонавтами вместе с дочерью царя Ээта, Медеей. Однако это вовсе не то, что обычно предпочитают изображать поэты. В действительности же это писанный на кожах (δέρμασι) трактат, в котором объясняется, каким образом можно химически получить золото. "Золотым" же он называется ввиду огромного значения, которое придавалось трактату людьми тех времён.

Три алхимических агента

Самой заветной мечтой всякого истинного алхимика было заполучить три славных агента: во-первых, философский камень, с помощью которого, по рассказам, можно было осуществлять превращение металлов; во-вторых, универсальный растворитель, алкагест, и, в -третьих, эликсир жизни, *Elixir Vitae*, с помощью которого можно было бесконечно продлевать свою жизнь.

Мысль о возможности сведения элементов к их первоначальной форме, в которой они пребывали, находясь в той огненной массе, из которой, как полагают, образовалась земная кора, физиками считается не столь уж вздорной, как об этом принято полагать. Между различными металлами существует столь близкое родство, что оно указывает на их происхождение из одного и того же источника. Это обстоятельство, вероятно, и заставляло людей, называвших себя алхимиками, отдавать все свои силы на исследование предметов, которые Лавуазье, Дэйви,^[77] Фарадей, как и наши учёные современники, называют таинствами химии.

Однако алхимия, как мы понимаем, была делом совсем иного свойства; её учителя и адепты исключительно изъяснялись на особом языке, непонятном "жаргоне", состоявшем из особых фигур речи и скрывавшем под собою некий эзотерический смысл чего-то совсем-совсем иного. И философский камень, и алкагест, и эликсир — всё это были наименования чего-то одного и того же, способного совершать одну и ту же операцию. В своём трактате "Натуральная магия" Баптиста Порты^[78] позволяет себе сделать следующие откровения:

"Я не сулю вам ни золотых гор, ни философского камня, о котором грезит мир и обретением которого многие похвалялись в разные времена, но который, однако, счастливо достался лишь горстке людей. Не обещаю я здесь и золотого эликсира, выпив который человек способен обрести бессмертие. Всё это — одна лишь грёза,^[79] ибо мы живём в переменчивом мире, в котором всё подвержено изменению, а значит, и всё, рождённое в этом мире, подлежит разрушению".^[80]

Во всё это свято верил каждый истинный алхимик.

Что же касается того странного мистического языка, на котором они предпочитали изъясняться, то на это были свои веские причины, поскольку всякому не согласному с учением церкви грозила немалая опасность. Просвещённые люди, как правило, не проявляли особую осторожность, высказывая свои убеждения, за что в Средние века и подвергались различным наказаниям: судьба Галилео, Коперника и многих-многих других тому яркий пример. Всех их без разбору невежественная толпа причисляла к "чернокнижникам", общающимся с духами и бесами, а потому и выбор был у них не велик: отправиться на костёр, на дыбу или на плаху из-за разногласий с официальным вероучением и за попытки просвещать простонародье. Подобно эдемскому змею, *нахашу*, показавшему человеку, как можно стать одним из "Элохимов", они были "прокляты перед всеми скотами" и обречены "есть прах" — т.е. терпеть бесславие — "во все дни жизни своей".[81] Как писал Гёте,

"Немногих, проникавших в суть вещей
И раскрывавших всем души скрижали,
Сжигали на кострах и распинали".[82]

Вот и Ириной Филалет Космополит, английский алхимик, то есть герметик, в своей книге, вышедшей в свет в 1659 году,[83] также намекает на преследования:

"Незнакомые с этим искусством часто полагают, что, если бы они занимались им, то делали бы то-то и то-то; так прежде полагали и мы сами, но, став более осторожными из-за опасностей, которым подверглись, избрали более тайный метод. Ибо всякий, избежавший неминуемой угрозы своей жизни, становится мудрее в будущем".

Когда из-за разногласий с принятым вероучением человек получал клеймо еретика и подвергался наказанию как преступник, когда научное знание приравнивалось к отвратительному колдовству, было вполне естественным, что люди, культивировавшие идеи, которые выбивались из ряда официально признанных, придумывали особый, состоявший из символов и паролей, язык для общения между собой, чтобы оставаться при этом не узанными своими кровожадными противниками. Однако, помимо этого, была и ещё одна причина, по которой, выражаясь словами псалмопевца, они "открывали уста свои в притче и произносили гадания из древности".[84] Так поступал и Иисус, так поступал и Гебер "Араб"[85], выразивший эту мысль в следующих словах:

"Если мы что-то и сокрыли, о сыны учёности, не дивитесь тому,

ибо сокрыли мы сие не от вас, а лишь изложили словами, тёмными для людей недобрых, и да не распознают сего неправедные и невежды. Вы же, сыны истины, ищите и обрящете этот самый восхитительный дар Божий, который припас Он лишь для вас одних. Вы же, сыны безумия, бесчестия и скверны, держитесь подальше от знания сего, ибо оно губительно для вас и ввергнет вас в позор и нищету".[86]

Алхимия, таким образом, полагаем мы, представляла собой не некую физическую науку, а духовную философию. Чудесное обращение обычных металлов в золото являлось лишь метафорой преобразования человека, который должен был очиститься от своего природного зла и слабостей, дабы перейти в возрождённое состояние, причастное природе божественной. А что такое философский камень, Аристотель очень внятно объяснил в своём письме Александру:

"Это не камень. Это имеется у любого человека и в любом месте и в любое время и именуется *конечной целью* любого философа".[87]

Алкагест — это не что иное, как *al-geist*, то есть божественный дух, который счищает любую грубую природу, чтобы на её место заступили более высокие принципы. Соответственно и *elixir vitae* — это "живая вода", которую Годвин определяет как

". . . универсальное целительное средство, обладающее способностью возвращать человеку молодость и позволяющее ему жить вечно".[88]

Д-р Копп из Германии, опубликовавший четверть века тому назад свою "Историю химии" ("A History of Chemistry"), в которой упоминает алхимию в качестве своеобразной предтечи этой науки, высказывает важную мысль, которую мгновенно поймёт любой пифагорец и платоник:

"Если под словом "мир" понимать тот *микрокосм*, который представляет собою человек, то сочинения алхимиков станут сразу легче для понимания".

В Индии существует легенда о том, как Кришна велел своей приёмной матери заглянуть ему в рот. Та сделала, как он просил, и, заглянув, увидела в нём целую вселенную. Разумеется, это лишь фигура речи, однако она указывает на то, что человек представляет собой отражение всего мира, он есть микрокосм, то есть малый мир, поскольку каждое сущее принадлежит единому творению. Алхимики и определяли философский камень как *микрокосмос*. Вайденфильд, например, говорит:

"Всевышний Господь сделал нас причастными всем благам, заключённым в бóльшем мире, по каковой причине человека и

называют микрокосмом, ибо божественным вдохновением нам было открыто, что именно в человеке заложены силы и возможности всего животного, растительного и минерального сущего".

А Ириной Филалет утверждает:

"Камень наш есть выражение мироздания великого (то есть макрокосма — *A. V.*) и имеет все силы того строения великого, что заключено и собрано в малой системе сей. В ней есть и сила магнитная, притягивающая подобное к подобному во всём мироздании. Эта сила небесная рассеяна по всему творению, но в сжатом виде, как бы в конспекте, присутствует в малом сем отображении".

А в книге, которая, возможно, является переводом сочинений Алипили[89], содержится следующий фрагмент:

"Тот, кто владеет знанием о микрокосме, не может долго оставаться в неведении относительно макрокосма. Именно об этом столь часто говорили усердные изыскатели природы в Египте, гордо заявляя, что каждый должен познать себя. Незадачливые их ученики, греки, восприняли слова эти лишь в нравственном смысле и в неведении своём украсили ими свои храмы. Но кто бы ты ни был, я предупреждаю тебя, желающего броситься с головой в глубинные пределы природы: если то, что ты ищешь, ты не найдёшь внутри себя, то не обретёшь того и вне себя. Тот, кто желает стать первым среди испытателей природы, не найдёт нигде более великого и лучшего поля для своих изысканий, чем собственное его "я". А потому и последую я примеру египтян и от всего сердца своего и по точному и истинно проверенному опыту своему обращусь к ближнему моему со словами египтян, и во весь голос я заявляю: Познай себя, человеке, ибо в тебе самом сокрыт клад всех кладов".[90]

Корнелий Агриппа, самый, пожалуй, широко известный алхимик и маг, развивает эту мысль дальше:

"Средь сотворённого Богом есть нечто, что составляет предмет самый удивительный как на земле, так и на небе; имеет оно природу животную, растительную и минеральную; находится повсюду, ведомо немногим и никем не именуется по истинному имени своему, но сопрятано в числах, фигурах и тайнах, и ни алхимия, ни натуральная магия без одного достичь совершенных целей своих не могут".[91]

Джордж Рипли, монах, писавший об алхимии, так разъяснил суть

философского камня:

"Коль всё творение произошло из единой массы,
То следовать тому же должны и мы сами,
Все школы наши должны иметь единый образ,
А потому и в книгах философских найти способен, кто желает,
Что камень наш именуется малым миром: один и три".

А диалог, опубликованный в 1672 в сочинении под названием "Энхиридион алхимика" ("Alchemist's Enchiridion"), говорит о том же ещё яснее:

"Так вот, в беседе нашей я открою тебе природное состояние камня философов, облачённого в тройные одежды, ибо камень сей ведёт к богатству и милосердию и служит могучим средством от немочей, и заключена в нём тайна всех тайн, ибо он есть таинство Божие и дар Его, выше коего ничего в мире сем нет. А посему внимай словам моим о том, что облачён он в тройные одежды, иначе говоря: в тело, в душу и в дух".

Весьма созвучны речам этих мистиков и слова, сказанные великим еврейским законоучителем Моисеем:

"Слово, Неречённое Имя, не сокрыто ни на небе, ни за семью морями, так что не нужно тебе отсылать гонцов в поисках его, ибо оно рядом с тобою, в устах твоих и в сердце твоём".[92]

Эти необычные изречения авторов алхимических трактатов и стали причиной всеобщего непонимания их учений. Они писали о соли, сере, ртути, свинце, сурьме, о трансмутации металлов, и, по-видимому, множество людей, не понимавших подлинной сути этих терминов, в разное время предпринимали попытки следовать их инструкциям буквально, чтобы научиться производить золото и тем самым разбогатеть. Парацельс — фигура, судя по всему, так и оставшаяся до конца не понятой ни его современниками, ни последующими поколениями, — объявляя себя последователем алхимии, рискнул применять субстанцию, о которой у нас идёт речь, для исцеления болезней. Однако очевидно, что сами же алхимики считали, что речь в их учениях идёт вовсе не о материальных субстанциях. По словам д'Эспанье,[93]

"Усердный новичок, наделённый живым соображением и воспламенённым любовью к философии твёрдым умом, обладающий чистым сердцем, совершенной моралью, готовый к подвижничеству во имя Божье — пусть даже он и незнаком с практической химией, может уверенно вступать на широкий путь, ведущий к природе, и со всем тщанием пусть изучает книги лучших философов".[94]

А вот что говорит Ириной Филалет:

"Писания наши должны остаться для мира острым кинжалом любознания; одним они станут нарезать самые изысканные лакомства, а другие лишь порежут об них себе пальцы. Винить же нас за это не стоит, ибо мы серьёзно предупреждаем всякого, кто возьмётся за это дело, что тем самым предпримут поиск наивысшей философии в Природе, и, пусть мы и пишем по-английски, смысл наших слов будет кому-то так же тёмным, как и язык греческий, они станут думать, будто ясно всё понимают, хотя станут при этом нарушать смысл написанного самым грубым образом, да и как может быть иначе: разве профаны в природе могут быть мудры в книгах, открывающих понимание Природы?"

О том же предупреждает и д'Эспанье:

"Пусть любитель истины пользуется советами не всяких авторов, но лишь достойных и проверенных на правдивость; пусть он догадывается о вещах, о которых не сложно сообразить, особенно в тех случаях, когда это касается мистических наименований и тайных операций, ибо истина лежит сокрытой в темноте, и никогда философы не пишут более обманчиво, чем когда пишут ясно, и никогда более правдиво, чем когда пишут темно".[95]

Роджер Бэкон[96] в своём "Трактате о восхитительной силе искусства и природы" вначале обращает внимание читателя на естественные знания: он намекает на будущее изобретение пороха и предсказывает использование в будущем пара в качестве движущей силы. Гидравлический пресс, водолазный колокол и калейдоскоп — он описывает будущее устройство всего этого и даже предвещает изобретение

" . . . инструментов, позволяющих летать [по воздуху — *перев.*]: так человек, сидя в середине инструмента, может поворачивать приспособление, с помощью которого искусственно построенные крылья способны бить по воздуху наподобие летящей птицы".[97]

А затем он переходит к защите себя самого и других алхимиков от обвинений в использовании тайнописания.

"Причиной принятого среди всех мудрых людей сокрытия сего служат презрение и пренебрежение, выказываемые к тайнам мудрости людьми негодными, не ведающими того, как должно пользоваться всеми этими восхитительными вещами, и даже если они и смыслят в чём-либо достойном, то случается это целиком по воле случая или удачи, однако применяют они свои знания исключительно во зло к великому ущербу и вреду не только

отдельных людей, но и целых обществ, а посему хуже безумца тот, кто огласит любое таинство, не сокрыв [смысл его] от толпы и не преподнеся его таким образом, чтобы даже люди искушённые и учёные с трудом суть его разобрали . . . [98]

. . . Некоторые скрывали свои секреты через особые приёмы письма, например, через написание одних лишь согласных, и в этом случае ни один человек не сможет прочесть написанного, не зная значения слов, и обычно это принято у евреев, халдеев, сирийцев и арабов да и у греков также. Так что скрывать принято и у них, но особенно у евреев".[99]

Эликсир, как полагали герметики, обладает не столько силой, способной к трансмутации именно металлов, превращающей их в серебро и золото, сколько наделён общей силой, позволяющей доводить до наивысшего совершенства любую субстанцию, к которой эликсир применён. Поистине, философский камень сам по себе был универсальным целительным средством — это был *all-geist*, то есть всепроникающий дух. Как говорит Эшмол,[100]

"До тех пор, пока это средство не определено так, как должно, было бы смерти подобно пробовать на вкус даже малейший атом его, ибо природа его чрезвычайно насыщена силой и этим далеко превосходит природу человеческую, ведь если даже в самых малых количествах оно способно нанести столь могучий удар по телам низких и грубых металлов и столь глубоко проникнуть внутрь них, что оставляет в них свой след, доводя их до высокой степени чистейшего золота, то как же слабо тело человеческое способно сопротивляться такой силе, коли даже наибольшая сила тела его много ниже силы слабейшего металла? Полагаю, что немало философов, желавших обрести совершенное здравие, погубило себя при попытках принять это средство внутрь, не ведая о подлинном назначении его и не определив, как оно должно приниматься, дабы не нанести вреда природе человека".[101]

Заключение

Самым главным вопросом алхимии, таким образом, была всё та же загадка Сфинкса — лишь иначе сформулированная. И ответ на неё даётся всё тот же:

"Что было — то и будет. А что было — то получило уже своё имя: оно известно, и имя это — "человек".

Подлинным таинством — самым знакомым всякому человеку и одновременно самым незнакомым ему — тем таинством, в которое он либо должен быть посвящён, либо должен погибнуть, оставшись

атеистом, является он сам. Ради него только и существует этот эликсир жизни, жадно наглотаться которого до обретения философского камня, равносильно тому, чтобы выпить "мёртвой воды", тогда как адепту и эпопту[102] он дарует подлинное бессмертие. И истина может открыться ему, ибо на самом деле эликсир этот есть Αλήθεια, то есть дыхание Божие.

Это и есть тот алкагест, что растворяет всё сущее.

Без сомнения, в разное время существовали и шарлатаны, выдававшие себя за алхимиков, так же как было немало и самозванцев, называвших себя пророками, и болтунов, кричавших о своих необыкновенных лекарских способностях, но вовсе не высшая мудрость объявляет всех врачей, мудрецов и гениев лжецами и фиглярами. В конце концов, подлинная Премудрость находит оправдание в своих истинных детях.

Е.П. Блаватская о духовной философии

"Люди и партии, секты и школы — всё это лишь неверные тени, мелькающие там и сям при свете дня в эту пору, что переживает сейчас мироздание. И одна лишь Истина, восседающая высоко в своей алмазной твердыне, остаётся вечной и верховной владычицей мира".[103]

"Векам подавления духа так и не удалось до конца заморозить жизнь человечества, превратив его кровь в неживые кристаллы на отростках слепой веры . . . А значит, и весь труд наш есть призыв о признании философии герметиков, издревле существовавшей универсальной Мудрости-Религии, в качестве единственно возможного ключа к тайне Абсолюта, одинаково затрагивающей как область науки, так и область богословия".[104]

"Долгие-долгие годы этот "великий сирота", человечество, громко плакал во тьме, прося для себя наставления и света. Живя в условиях нарастания блистательных достижений чисто материального прогресса, пользуясь плодами науки, способной дать пищу одному только разуму, оставляя дух на голодном пайке, человечество, смутно ощущая свои подлинные истоки и как бы предвидя будущую судьбу свою, протянуло Востоку свои нищие руки, наполнить которые способна лишь одна философия духа. Корчась от боли, мучась от всех этих расколов, этих завистей, этих ненавистей, что рвут саму его жизнь на куски, оно кричит о нужде своей в чём-то более надёжном для достижения вожаемого согласия, молит о такой метафизической почве, в которой высочайшие общественные идеалы нашли бы для себя верную опору. Дать такую опору, которая насытила бы одновременно и ум, и дух человеческий, способны одни лишь Учителя

восточной мудрости, только они в силах уверенно провести человечество сквозь черноту ночи к "зарю более славного дня".

Такова цель, которую поставила перед собой теософия, такова история развернувшегося ныне движения, таковы свершения, которые мы уже теперь видим на счету у теософии в этом девятнадцатом веке.

По крайней мере, мы вправе заявить о том, что обрисовали для мыслящей публики логичную, связную и философски осмысленную схему происхождения человечества, его будущих судеб и эволюции — схему, отличающуюся прежде всего своей безоговорочной приверженностью правде. В своих изысканиях мы решились заглянуть и в природу не столь широко известных публике сил — как космических, так и психических, — для чего нам пришлось расширить изначально обозначенные нами критерии истины. Именно этим темам и был посвящён целый ряд наших книг и именно потому мы и предприняли переиздание древних трудов, как снабжённых нашими комментариями, так и без них, поскольку они проливают яркий свет как раз на эти *quaestiones vexatae*. [105]

Одним словом, главная наша цель и первостепенное желание состоят в том, чтобы помочь, хотя бы отчасти, в выработке подлинно научного взгляда на природу человека — взгляда, который заключал бы в себе возможность выстроить для нынешнего поколения новую дедуктивно-метафизическую и трансцендентальную философию, которая одна лишь способна служить твёрдой, несокрушимой основой для любой религиозной философии. И теософия, выполняя роль универсального растворителя, прилежно выполняет взятую на себя миссию. Робкие предрассветные краски грядущей зари, уготованной современной психологии, набирают всё большую яркость, но в блистательный свет истины они сольются лишь с наступлением дня, когда солнце восточного эзотеризма достигнет своего полуденного зенита. [106]

Список литературных источников и справочной литературы

Ацамба Ф. М., Бектимирова Н. Н., Давыдов И. П. и др. (2004) История религий. В двух томах. Том 2. Под общей редакцией проф. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа.

Бэкон, Фрэнсис. (1971) Сочинения в двух томах. Том 1. Академия наук СССР. Институт философии. М.: Мысль.

Дворецкий И.Х. (1958) Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Диоген Лаэртский. (1986) О жизни, учениях, и изречениях знаменитых философов. Второе, исправленное, издание. (Академия наук СССР. Институт философии. Философское наследие. Т. 99). М.: Мысль.

Литтон, Э.Дж.Б. (1994) Призрак. Перевод с англ. О. Чоракаева. М.: Радуга. — 432 с.

Мень А. (2002а) Библиологический словарь. Том I. М.: Фонд имени Александра Меня.

Мень А. (2002б) Библиологический словарь. Том II. М.: Фонд имени Александра Меня.

Мень А. (2002в) Библиологический словарь. Том III. М.: Фонд имени Александра Меня.

Местр де, Жозеф (1998) Санкт-Петербургские вечера. Перевод с французского и примечания А.А. Васильева. СПб: Алетейя.

Мирошниченко Е.И. (2021) Синесий Киренский. *Православная энциклопедия*. Т. 64. Москва. С. 27-33.

Плотин (1996) Эннеады (II). Киев: "Уцимм-Пресс" — "ИСА".

Порфирий (1986) Жизнь Пифагора. *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях, и изречениях знаменитых философов*. М.: Мысль.

Прокл Диадох (2012) Комментарий к "Тимею". Книга 1. Перевод, предисловие, реферат и примечания Светланы Месяц. М.: ГЛК.

Смирнов Д.В. (2013) Квиетизм. *Православная энциклопедия*. Т. 32. Москва. С. 259-287.

Смирнов Д.В. (2020) Порфирий. *Православная энциклопедия*. Т. 57. Москва. С. 524-535.

Флавий И. (2002а) Иудейские древности. Том 1. М.: ООО "Издательство АСТ: "Ладомир" — 784 с. — (Классическая мысль).

Флавий И. (2002б) Иудейские древности. Том 2. М.: ООО "Издательство АСТ: "Ладомир" — 613 с. — (Классическая мысль).

Флавий И. (2008) Иудейская война. Перевод с древнегреческого М. Финкельберг и А. Вдовиченко под редакцией А. Ковельмана. М.: Мосты культуры. Гешарим, Иерусалим, 5768.

Хорьков М.Л. (2010) Гипатия. *Новая философская энциклопедия*. В 4-х томах. Том 1. М.: Мысль. С. 527.

Элиаде М., Кулиано И. (1997) Словарь религий, обрядов и верований. М.: Рудомино, СПб: Университетская книга.

Элиаде М. (1998) Азиатская алхимия. Переводы с рум., фр., англ. М.: Янус-К. — 604 с.

Эпикур (2022) Письмо к Менекею. *Эпикур. Главные мысли*. Сост., предисл., коммент. К.В. Бандуровского. Перевод М.Л. Гаспарова, С.И. Соболевского, Ф.А. Петровского. М.: издательство АСТ — 224 с. С. 127-136.

ЭСБЕ (1892) Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 8. СПб.

Agrippa, Henry Cornelius (2009) *Three Books of Occult Philosophy*. Completely Annotated with Modern Commentary. Translated by James Freake. Edited and Annotated by Donald Tyson. Llewellyn Publications. Woodbury, MN. Printed in the United States of America.

Alipili (1696) *Centrum Naturae Concentratum: Or the Salt of Nature Regenerated*. For the Most Part Improperly Called the Philosopher's Stone. Written in *Arabick* by *Alipili*, a *Mauritanian*, born of *Asiatick* Parents. Published in *Low Dutch*, 1694, and now done into *English*, 1696, by a Lover of *Hermetick Science*. London. Printed for *J. Harris* at the Harrow in *Little Britain*.

Ashmole, Elias (1652) *Theatrum Chemicum Britannicum*, Containing Several Poetical Pieces of our Famous English Philosophers, who have written the Hermetique Mysteries in their owne Ancient Language. Faithfully Collected into one Volume, with Annotations thereon, by Elias Ashmole, Esq. The First Part. London. Printed by F. Grismond for Nath: Brooke, at the Angel in Cornhill.

Bacon, Roger (1597) An Excellent Discourse of the Admirable Force and Efficacy of Art and Nature. *The Mirror of Alchimy*, composed by the thrice-famous and learned Fryer, *Roger Bachon*, sometimes fellow of *Martin Colledge*: and afterwards of *Brasen-Nose Colledge* in *Oxenforde*. Also a most excellent and learned discourse of *the admirable force and efficacy of Art and Nature*, written by the same Author. With certaine other worthie Treatises of the like Argument. London. Printed for Richard Olive.

Blavatsky H.P. (1877) *Isis Unveiled: A Master-Key to the Mysteries of Ancient and Modern Science and Theology*. Vol. 1. Science. New York, London.

Blavatsky H.P. (1890) Recent Progress in Theosophy ("О последних успехах теософии"). *Blavatsky Collected Writings*. Compiled by Boris de Zirkoff. Vol. 12. P. 292-308.

Desatir, The (1818) *Or Sacred Writings of the Ancient Persian Prophets; in the Original Tongue; together with the Ancient Persian Version and Commentary of the Fifth Sasan; Carefully Published by Mulla Firuz bin Kaus*. In two volumes. Bombay: Printed at the Courier Press by S.F. de Jesus.

Emerson, R.W. (1950) The Oversoul. — *The Complete Essays and Other Writings of Ralph Waldo Emerson*. The Modern Library. New York. P. 261-278.

d'Espagnet, Jean (1623) *Arcanum Hermeticae Philosophicae Opus*. The Secret Work of the Hermetic Philosophy. Wherein the Secrets of Nature and Art Concerning the Matter of the Philosophers' Stone and the Manner of Working are Explained in an Authentic and Orderly Manner. *The Work of an Anonymous Author Penes Nos Unda Tagi*. Edited by "Sapere Aude".

Geber (1686) *The Works of Geber, the Most Famous Arabian Prince and Philosopher, of the Investigation and Perfection of the Philosophers-Stone*. London.

Godwin, William (1835) *Lives of the Necromancers, or An Account of the Most Eminent Persons in Successive Ages, Who Have Claimed for Themselves, or to Whom Has Been Imputed by Others, the Exercise of Magical Power*. New York: Published by Harper & Brothers.

Jones, W. (1794) *The Sixth Discourse; on the Persians*. Delivered 19th February 1789. *Asiatic Researches*, Comprising History and Antiquities, the Arts, Sciences and Literature of Asia. Vol 2. First published in 1794. Reprinted in 1979. Cosmo Publications. New Delhi, India.

Kingsley, Charles. *Hypatia, or New Foes with an Old Race*. New York. Thomas Y. Crowell & Co. Publishers.

Lytton, E.B. (1842) *Zanoni*. Leipzig.

Porta, John Baptista (1658) *The Fifth Book of Natural Magick: Which treateth of Alchymy; shewing how Metals may be altered and transformed, one into another*. *Natural Magick by John Baptista Porta, a Neapolitane: in Twenty Books*. Wherein are set forth all the Riches and Delights of the Natural Sciences. London. Printed for *Thomas Young* and *Samuel Speed*.

Taylor, Thomas (1804) Introduction. *The First Alcibiades, a Dialogue Concerning the Nature of Man*. *The Works of Plato, viz. His Fifty-Five Dialogues, and Twelve Epistles*. In five volumes. Vol. 1. London.

Waite, A.E. (2013) *The Secret Tradition in Alchemy. Its Development and Records*. Vol. 6. London and New York. Routledge. Taylor & Francis Group.

[1] Alexander Wilder. *New Platonism and Alchemy. A sketch of the Doctrines and Principal Teachers of the Eclectic or Alexandrian School. And an outline of the Interior Doctrines of the Alchemists of the Middle Ages*. Первая публикация: Weed, Parsons and Company, Printers, Albany, N.Y., 1869. Переиздание: Wizards Bookshelf, Minneapolis, 1975.

[2] Профессор физиологии и психологии в Медицинской школе США; секретарь Национальной эклектической медицинской ассоциации США; почётный член Эклектических медицинских обществ Иллинойса, Мичигана, Коннектикут, Пенсильвании и др.; почётный член Антропологического общества Ливерпуля (Англия) и пр.

[3] "Некоторые философы получили наименование по городам, . . . некоторые . . . по образу мыслей, например филалеты-правдолюбцы, . . . аналогеты-сопоставители" (Диоген Лаэртский, 1986. Кн I, 17. С. 59) (*примеч. перев.*).

[4] Коптское имя, обозначающее человека, посвятившего себя богу или гению мудрости Амону. — А.У.

[5] Воцарение династии Птолемеев относится к IV веку до н.э., тогда как "Потамон Александрийский жил в эпоху Августа, в конце I в. до н. э." (Диоген Лаэртский, 1986. Кн. I, 20. С. 60) (*примеч. перев.*).

[6] Селевк I Никатор ("Победитель") (ок. 358 до н. э.-281 до н. э.) — полководец Александра Македонского, диадох (*примеч. перев.*).

[7] Птолемей II Филадельф — царь Египта из династии Птолемеев, правил в 285-246/245 годах до н. э. (*примеч. перев.*).

[8] Зороастризма (*примеч. перев.*).

[9] Аристокл (II век до н.э.) — эллинизированный иудейский богослов, один из первых представителей Александрийской школы экзегезы (толкования) (Мень А., 2002а. С. 42) (*примеч. перев.*).

[10] Филон Александрийский (Φίλων Ἀλεξανδρεὺς) (ок. 25 до н.э. — ок. 50 н.э.) — иудейский философ, богослов и экзегет. Род[ился] в Александрии в богатой семье, принадлежавшей к потомственному священнич[ескому] роду. Получил разностороннее классич[еское] образование. Родным языком Ф.А. был греческий, и греческим же было его образование. Однако он не порывал с отеческой ветхозав[етной] традицией, стремясь переосмыслить её в духе эллинизма (Мень А., 2002в. С. 327) (*примеч. перев.*).

[11] Академии Платона (*примеч. перев.*).

[12] Флавий И., 2002, а также Флавий И., 2008 (*примеч. перев.*).

[13] Ессеи, или эссены (возможно, от араб. *хасайя* — "благочестивые") — иудейская секта междузаветного и новозав[етного] времени. В отличие от других течений (фарисеев, саддукеев, zelотов) Е. в НЗ не упоминаются. До сер. 20 в. о них можно было судить лишь по данным антич[ных] писателей. Согласно Филону Александрийскому, Иосифу Флавию, Плинию Старшему и свт. Ипполиту Римскому, Е. жили сплочёнными

общинами у берегов Мёртвого моря, а также в нек-рых городах и сёлах Иудеи (Мень А., 2002а. С. 433) (*примеч. перев.*).

[14] Терапевты — ветвь ессейского движения. Не исключено, что название общины Т. (греч. Θεραπευταί) есть перевод на греч. язык арам. слова *хасайя* ("целители"; др. возможное значение "благочестивые", ср. евр. *хасидим*). Единств. описание общины Т. сохранилось в трактате Филона Александрийского "О жизни созерцательной" ... По его словам, община обитала в нижнем Египте, у Мареотидского озера. Члены общины отличались строгим аскетизмом ... Как полагают исследователи, Т. представляли собой группу ессеев, к-рая переселилась в Египет, спасаясь от гонений в нач. 1 в. до н.э. (Мень А., 2002в. С. 228) (*примеч. перев.*).

[15] Один из первых христианских богословов, глава Александрийской катехизической школы. Учитель Климента Александрийского (*примеч. перев.*).

[16] Один из первых христианских богословов (II в.) (*примеч. перев.*).

[17] Климент Александрийский (Κλήμης ὁ Ἀλεξανδρεὺς) — Тит Флавий, пресвитер (ок.150–ок. 215), греч. Учитель Церкви, один из выдающихся представителей александрийской школы (Мень А., 2002б. С. 63) (*примеч. перев.*).

[18] Desatir, 1818 (*примеч. перев.*).

[19] Jones W., 1794. P. 47 (*примеч. перев.*).

[20] Или гениями. Для них существует множество названий В теософии их называют дхьян-чоханами. Слово "демоны" (или "даймоны") здесь следует понимать вне христианской коннотации, это не "бесы" (*примеч. перев.*).

[21] Иоганн Лоренц фон Мосхайм (Мосхейм) (нем. Johann Lorenz von Mosheim; 1693-1755) — германский лютеранский теолог и известный историк церкви (*примеч. перев.*).

[22] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[23] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[24] По преданию, к этому роду принадлежал Кришна, внук Яду, от которого и пошёл род ядавов (*примеч. перев.*).

[25] А. Уайлдер, очевидно, не вполне точно использует здесь термин "буддисты" (*примеч. перев.*).

[26] В дошедших до нас из древности книгах Премудрость нередко персонифицировалась и изображалась в виде некой эманации или существа, приближённого к Творцу. Так, у нас есть индийский Будда,

вавилонский Набу, мемфисский Тот, греческий Гермес. Существовали и женские божества: Нейт, Метида, Афина, а также признаваемая гностиками духовная сила, носившая имя Ахамот, или София. В самарянском Пятикнижии Книга Бытия называется *Акамот* ("Премудрость"). О том же говорят и два сохранившихся остатка древних трактатов: "Премудрость Соломона" и "Премудрость Иисуса". Книга *Мишлей* — Беседы или Притчи Соломоновы — так персонифицирует премудрость, изображая её помощницей Творца:

"Иегова владел мною, началом пути Своего,
Быстрейшей из Своих эманаций, от начала времён,
Я существую искони, издревле —
От начальных времён земли.
Я родилась, когда ещё не существовали бездны,
Когда ещё не было источников, обильных водою.
Когда Он уготовлял небеса, я была там.
Когда Он очертил круг по лицу бездны,
Тогда я была с ним, Амун,
И была радостью Его всякий день" (*примеч. А.У.*).

[27] К концу I в. н.э. зарождаются две школы еврейского мистицизма: одна занимается толкованием книги "Бытие" (*маасе берешит*), а вторая (*маасе меркава* или *деяние колесницы*) опирается на изображение небесной колесницы (*меркава*), переносившей трон Господень в видении пророка Иезекииля. Одним из ответвлений "мистики меркавы" стала *хехалотическая литература*, где описываются небесные дворцы (*хехалот*), сквозь которые проходит мистик в своём вознесении к трону Бога (Элиаде М., 1997. С. 199) (*примеч. перев.*).

[28] Матфей 7 (*примеч. А.У.*).

[29] Слово *маг* означает "мудрый" или "учёный" человек. В древней Персии *маги* представляли собой образованный жреческий класс наподобие индийских брахманов, вавилонских халдеев, палестинских левитов и египетских жрецов. Неграмотными низами считалось, что знание дарует его обладателю самые необыкновенные способности, и с течением времени *магия*, то есть знания магов, стала приписываться действию злых демонических сил. Тем не менее, и пророк Даниил, и, если нас не обманывает предание, царь Соломон были обладателями высочайшей премудрости, и несколько человек из их числа отправились в Вифлеем, чтобы поклониться Иисусу (*примеч. А.У.*).

[30] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[31] Или касдейской (халдейской) (*примеч. перев.*).

[32] "Затем он преподавал им арифметику и сообщил сведения по

астрономии, в которых египтяне до прибытия Авраама были совершенно несведущи" (Флавий И., 2002а. С. 53) (*примеч. перев.*).

[33] ". . . одни ученики назывались "математиками", то есть познавателями, а другие "акусматиками", то есть слушателями: математиками — те, кто изучали всю суть науки и полнее и подробнее, акусматиками — те, кто только прослушивали обобщённый свод знаний без подробного изложения" (Порфирий, 1986. С. 422) (*примеч. перев.*).

[34] Имя "Моисей" на санскрите, судя по всему, образовано от соединения двух слов: "маха" ("великий") и "уса" (*wusa*, "мудрец"). В этом случае оно должно произноситься как *Муса* (*примеч. А.У.*).

[35] Вероятно, имеется в виду Платоновская академия, учреждённая Платоном в 380-х годах до н.э. близ Афин и закрытая лишь в 529 г. н.э. императором Юстинианом (*примеч. перев.*).

[36] Возможно, имеется в виду Элевсинская роца. ". . . вступавшие в Элевсинскую роцу останавливались перед надписью, запрещавшей вступать в святилище храма всем не посвящённым в наивысшие таинства" (Taylor T., 1804. P. 13) (*примеч. перев.*).

[37] Который носил также имя Дий, "мыслящий ум" (*νοερός νοῦς*) или Зевс-Дий" (Прокл Диадох, 2012. С. 279) (*примеч. перев.*).

[38] Сходное учение содержится и в еврейской каббале. Его придерживались фарисеи, "фарси", которые, как указывает само самоназвание этой школы, скорее всего заимствовали его у персидских магов. Вкратце суть его можно описать следующим образом.

Божество представляет собой Всё. Это источник всего бытия, бесконечный и непознаваемый. Он раскрывает себя в мироздании и даёт мирозданию жизнь. В самом начале Его сияние распространялось повсюду. В конце концов Он удалился в Себя и таким образом образовал вокруг Себя пустое пространство. Туда Он и направил первую Свою эманацию, — Луч, который заключал в себе силу, обладающую способностью генерировать [зарождасть — *перев.*] и потенцией к зачатию, отсюда происходит и его имя: ИЕ, или Ях. Из него в свою очередь возник и *тиккун* — прототип или *идея* формы. И в этой эманации, уже содержащей в себе мужскую и женскую потенции, т.е. способность генерировать и зачинать, заключалась Жизнь. Этот тиккун находится в соединении с первой эманацией, Лучом, и целиком пропитывается им. Кроме того, он находится в непрерывном сообщении с бесконечным источником. Он представляет собой прототип человека, это первочеловек, Адам Кадмон — то есть тот *макрокосм*, о котором говорят Пифагор и другие философы. Из него происходят десять эманаций, *Сфирот*, которые представляют собой не каких-то индивидуальных существ, а являются

определёнными качествами, обозначенные следующими наименованиями: Венец, Премудрость, Величие, Разумение, Суровость, Красота, Покорение, Слава, Основание и Царство. Затем из десяти сфирот эмануируют четыре мира, причём возникают они поочерёдно один из другого, и каждый последующий мир содержит в себе природу предыдущего. Однако, образуя лестницу миров, каждый последующий мир всё больше утрачивает чистоту предыдущих, и самый низший из всех миров и представляет собой материальный мир. Однако не существует ничего, что состояло бы из одной лишь чистой матери, и всё сущее обретает жизнь через Бога, благодаря тому что первая его эманация, Луч, пронизывает собой всё сущее, являясь началом всякой жизни, а потому всё сущее несёт в себе божественную природу. Самый первый мир, *Ацилут*, населён чистейшими эманациями; второй, *Брия*, — эманациями более низкого разряда, служащими помощниками первым. Третий мир, *Йецира*, — это мир херувимов и серафимов, мир Элохима и Бней Элохим ["сыновей Божьих"]. Четвёртый же мир, называемый *Асия*, населяют так называемые "клипот", главным у которых является Белиал. Человеческая душа черпает составляющие её первоэлементы из четырёх миров, из духовной жизни, ума, страстей и телесных влечений. Вследствие конфликта, вспыхнувшего между обитателями четвёртого мира, Асия, и высшими эманациями, возникли зло и беспорядок. Человечество, унаследовав греховность уже от своего первоотца — а каждая человеческая душа есть эманация его души — оказалось заточено в материальные тела для искупления этой греховности и накопления в себе благодати. Оно так и будет продолжать рождаться в новых телах, в одном за другим, до тех пор, пока в достаточной мере не очистится и не обретёт способности вступить в более высокую форму существования. Это называется *ανάστασις* [*анастасис*], "неоднократное существование"; а также *μετεμψύχωσις* [*метемпсихосис*], то есть "изменения души".

Эту же доктрину, в той или иной мере прививаемую тогдашним церквям, мы находим и в посланиях ап. Павла. Отсюда и все эти выражения, которыми он пользуется: [очевидно, следующие фрагменты из посланий Павла либо приводятся А. Уайлдером в собственном переводе с греческого, либо излагаются собственными словами — *перев.*] "вы были мертвы по заблуждениям и грехам вашим, вы жили по обычаям *эона* мира сего, по обычаям *архонта*, господствующего в воздухе" [Еф. 2, 1-2 — *перев.*], "наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против князей тьмы и против злобы духов в поднебесной" [Еф. 6, 12 — *перев.*]. Очевидно, что Павел был против попыток смешать его благовестие с гностическими идеями иудейско-египетской школы, а попытки такие, судя по всему, предпринимались в Эфесе. Вот почему он и писал своему любимому ученику, Тимофею: "Храни возложенный на тебя драгоценный долг и отвергай новые учения и враждебные положения лжеимённого гносиса ["знания" — *перев.*], которому предавшись,

некоторые уклонились от веры" [1 Тим. 6, 20-21 — *перев.*] (*примеч. А.У.*).

[39] Ср.: "Да, боги существуют, ибо знание о них — очевидность; но они не таковы, какими их полагает толпа, ибо толпа не сохраняет их [в представлении] такими, какими полагает. Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто принимает мнения толпы о богах, ибо высказывания толпы о богах — это не предвосхищения, а домыслы, и притом ложные" (Эпикур, 2022, 123-124. С. 129) (*примеч. перев.*).

[40] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[41] Именно Лонгин рекомендовал царице Зенобии восстать против римской власти и отстаивать свою государственную независимость от Рима (*примеч. перев.*).

[42] "По-видимому, он принадлежал к знатному или царскому финикийскому роду. Свидетельством этого считается полученное П. при рождении имя Малк (Μάλκος; см.: *Porphyr. Vita Plot.* 17), или Малх (Μάλχος; см.: *Eunap. Vit. soph.* 4. 1. 4), от общесемит. корня *malak-* со значением "царь", "правитель". В посл. друзья П. употребляли это имя не только в греч. транслитерации, но и в переводе, называя его Василевс (Βασιλεύς). т. е. Царь. С именем Малк связано по смыслу также греч. имя Порфирий (Πορφύριος), к-рое отсылает одновременно к царскому происхождению (т. к. порфиру, т. е. окрашенную пурпуром одежду, носили цари и императоры) и к родине П. (т. к. в древности Тир был знаменит как центр производства пурпура)" (Смирнов Д.В., 2020. С. 524) (*примеч. перев.*).

[43] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[44] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[45] Кингсли в 25-й главе своей "Гипатии", а Булвер в 4-й книге своего "Занони" описывают точно такое же психологическое или гипнотическое состояние (*примеч. А.У.*). [Kingsley, *Hypatia*; Литтон, 1994 — *перев.*]

[46] Точная цитата у Платона не найдена. Очевидно, что это взятый в кавычки общий вывод А.У. (*примеч. перев.*).

[47] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[48] Emerson, 1950. P. 277 (*примеч. перев.*).

[49] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[50] Очевидный намёк на Пифию в дельфийском храме Аполлона (*примеч. перев.*).

[51] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[52] Мф. 12, 8 (*примеч. перев.*).

[53] "А когда однажды Амелий, человек очень богобоязненный, всякое новолуние и всякий праздничный день ходивший по всем храмам, предложил и Плотину пойти с ним, тот сказал: "Пусть боги ко мне приходят, а не я к ним!", но что он хотел сказать такими надменными словами, этого ни сам я понять не мог, ни его не решился спросить" (Порфирий, 1986. С. 431) (*примеч. перев.*).

[54] Ессеи — от *Asa*, "целитель". Одна из иудейских сект, жившая, по Плинию, близ Мёртвого моря "*per millia saeculorum*" — на протяжении тысяч веков. Одни предполагают, что это была секта крайних фарисеев, а другие — и это, возможно, правильная версия — что они являются потомками библейских *Venim nabim* [точнее, *beni nabim*, то есть "сынов пророческих" — *перев.*], считая их "Кенейми" и "Назарейми" (Blavatsky Н.Р., 1877. Р. xxx). "Сыны пророческие" упоминаются только в 3 Цар. 20, 35 и в 4 Цар. 2, 7; 4, 1 и ниже (*примеч. перев.*).

[55] Амос 7, 14 (*примеч. перев.*).

[56] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[57] Некий французский автор, ссылка на которого приводится в "Журнале психологической медицины" (*Journal of Psychological Medicine*), вменяет неоплатоникам в вину использование заклинаний и тауматургии (θαυματουργία, "чудотворение" — *перев.*) для излечения больных. Однако в своём трактате против гностиков Плотин целиком снимает со своих коллег это обвинение:

"Они (гностики — *A.V.*) говорят нам также, что могут изгонять болезни. Если они имеют в виду умеренный и упорядоченный образ жизни, то они говорят правду и высказываются, как философы. Но они настаивают на том, что болезни — это демоны, и похваляются, будто способны изгнать их при помощи слов, они объявляют, что обладают такой властью, и в этом случае они, вероятно, могут показаться достойными поклонения в глазах толпы, восхищающейся властью кудесников. Однако они не убедят людей разумных, знающих, что болезни возникают по причине чрезмерных трудов, пресыщения, недоедания, нравственного разложения — одним словом, вследствие тех изменений в организме, которые имеют либо внешний, либо внутренний источник. Это, однако, становится очевидным и из того способа, коим производится излечение болезни. Ибо болезнь заставляют спускаться вниз, дабы вышла она [из тела] внешним путём через кишечник, то есть с помощью врачебных средств. Излечивают болезни также пусканием крови и голоданием.

Впрочем, нам могут возразить, что в этом случае демон лишается пищи и врачебные средства просто позволяют его заморить голодом.

Но того же исцеления во многих случаях достигают и тогда, когда демон изгоняется из тела, и тогда, когда он в нём остаётся. Отчего же, если так происходит, когда демон остаётся в теле, человека всё-таки оставляет болезнь? А если он покидает тело, то что заставляет его уходить? И что вызывает у человека болезнь? Ясно, что болезнь есть нечто отличное от демона.

Далее, если демон входит в тело при отсутствии всякой причины для болезни, то почему тогда не всегда заболевает тело? А если он входит в тело, когда причина для болезни вполне наличествует, то почему именно присутствие демона становится обязательным для заболевания тела? Для начала лихорадки уже вполне достаточно одного: причины для болезни. Смешно полагать, будто, когда уже имеется причина для болезни, нужно ещё и присутствие демона, как бы находящегося в теле наряду с причиной болезни" (*примеч. А.У.*). [ср.: Плотин, 1996. С. 58-59 — *перев.*].

[58] Lytton, E.V., 1842. P. 355 (*примеч. перев.*).

[59] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[60] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[61] Или Абраккасу (примеч. перев.).

[62] Марк Аврелий Север Александр (145-211 гг. н.э.) (*примеч. перев.*).

[63] Флавий Клавдий Юлиан (Юлиан II), "Отступник" (правил: 361-363 гг.) (*примеч. перев.*).

[64] Или Гипатию. Гипатия (Ἰπατία) из Александрии (ок. 370-415) — греческий математик, астроном, философ-неоплатоник. Дочь математика и астронома Феона Александрийского, сестра математика Епифания. Приблизительно с 400 преподавала философию, математику, астрономию и механику в александрийском Мусейоне. Основные сочинения (возможно, сохранились во фрагментах как интерполяции): комментарий на "Арифметику" Диофанта (в 13 кн.), комментарий на "Конические сечения" Аполлония из Перги (в 8 кн.), "Астрономический канон" (комментарий на третью книгу "Математического сочинения" Птолемея) (Хорьков М.Л., 2010. С. 527) (*примеч. перев.*).

[65] Синезий или Синесий Киренский (370 – после 413), еп[ископ] Птолемаиды, греч[еский] философ, ритор, поэт, политический и общественный деятель . . . Между 393 и 398 гг. С. К. обучался в Александрии в школе философа-неоплатоника Ипатии, к-рая не только преподавала ему астрономию и геометрию, но и познакомила его с философией неоплатонизма. Глубокое почтение к Ипатии и увлечение неоплатонизмом С. К. сохранил до конца жизни (Мирошниченко Е.И.,

2021. С. 27-28) (*примеч. перев.*).

[66] Или Феона. Теон Александрийский (IV в. н. э.) — математик, издавший "Начала" Евклида со своими добавлениями и комментариями. На этом издании основывались последующие издания "Начал" вплоть до XIX в. (Бэкон, 1971. С. 569) (*примеч. перев.*).

[67] Квиетизм [лат. quietismus; . . . от лат. quies — безмолвие, бездействие], религ. и богословское течение мистического характера в европ. католицизме; период наиболее широкого распространения К. приходится на 2-ю пол. XVII — нач. XVIII в. (Смирнов Д.В., 2013. С. 259). Идеал квиетизма — внутренняя молитва, совершенный покой, пассивная отданность Божьей воле (Ацамба Ф.М., 2004. С. 325) (*примеч. перев.*).

[68] Суфизм — мистическое течение в исламе (*примеч. перев.*).

[69] Жанна-Мария Гюйон, урождённая Бувье де ла Мотт, обычно называемая Мадам Гюйон (1648-1717), французская христианка, обвинённая в проповедовании квиетизма, который Римской католической церковью рассматривался ересью. В 1695 году была заключена в тюрьму, откуда вышла восемь лет спустя, в 1703 году, после выхода её книги "Короткий и простейший способ молитвы". Ж. де Местр, вспоминая о ней, писал в своих "Санкт-Петербургских вечерах": "Когда-то пришло мне на ум перелистать сочинения г-жи Гюйон, — единственно лишь потому, что рекомендовал их мне лучший из моих друзей, Франсуа из Камбре. Я наткнулся на одно место из комментария к Песни Песней, где эта славная женщина сравнивает человеческие умы с бегущими водами: у них один источник — Океан, и непрерывное их движение имеет единственную цель — возвращение в его лоно" (Местр, 1998. С. 503) (*примеч. перев.*).

[70] "An Enquiry Concerning Political Justice and Its Influence on General Virtue and Happiness" ("Изыскание относительно политической справедливости и её влияния на общую добродетель и счастье") (*примеч. перев.*).

[71] Мэри Шелли является автором романа "Франкенштейн, или Современный Прометей" ("Frankenstein; or, The Modern Prometheus, 1818), обессмертившего её имя (*примеч. перев.*).

[72] Godwin, 1835. P. 193 (*примеч. перев.*).

[73] Гай Аврелий Валерий Диоклетиан — римский император (правил: 284-305 гг.) (*примеч. перев.*).

[74] Изыскания в области алхимии, какими бы они ни были, носили гораздо более глобальный характер, чем, судя по всему, на сей счёт полагают некоторые пишущие на эту тему авторы, и если изыскания эти и не сливались целиком с такими науками, как магия, некромантия и

астрология, то всегда служили им в качестве вспомогательного средства, — вероятно, по той самой причине, что уже изначально представляли собой не что иное, как формы спиритуализма, широко распространённого во все века человеческой истории. В октябре 1868 г. в г. Нью-Хейвен (шт. Коннектикут) состоялось заседание Восточного общества, на котором с докладом "Изучение алхимии в Китае" выступил миссионер из Пекина, преп. Уильям А.П. Мартин. Коротко проследив связь между алхимией и химией, докладчик перешёл к главной цели своего выступления, то есть к демонстрации того, что истоки европейской алхимии следует искать в Китае. В подтверждение этой точки зрения он привёл следующие соображения, проиллюстрировав их выдержками из китайских и иных сочинений:

1. Изыскания в области алхимии достигли в Китае наивысшего расцвета, по меньшей мере, за шесть веков до появления алхимии в Европе. В Европу же она попала лишь в IV веке, когда связи с Дальним Востоком приобрели достаточно регулярный характер. Сперва она появилась в Византии и Александрии, в тогдашних центрах торговли с Востоком, а в Европе была впоследствии возрождена сарацинами, самая знаменитая школа алхимии у которых находилась в Багдаде, поддерживавшем регулярное сообщение с Восточной Азией.
2. Цели изысканий в обеих школах были одни и те же и в обоих случаях носили двойной характер: обретение бессмертия и получение золота. Первая задача в Европе не стояла так остро, поскольку люди, пребывавшие в лоне христианства, обладали твёрдой верой в загробную жизнь, которая вполне удовлетворяла их запросы в этом отношении.
3. В обеих школах имелось два эликсира: большой и малый, и приписываемые обоим способности близко совпадают в обеих школах.
4. В основе обеих систем лежат одни и те же принципы: смешанная природа металлов и их происхождение ("произрастание") из единого семени. В самом деле, иероглиф *цин*, означающий "зародыш" и иероглиф *т'ан*, то есть "утроба", "матка", настолько часто встречаются в сочинениях китайских алхимиков, что можно было бы предположить заимствование ими терминологии у западной школы, если бы только очевидная древность китайской алхимии не противоречила этой гипотезе.
5. Если обозначенные цели у обеих школ были совершенно одними и теми же, то средства их достижения были не вполне одинаковыми: так в восточных лабораториях главную роль играли ртуть и свинец, тогда как на западе ту же роль играли ртуть и сера. Но здесь даже не

столько важно подчеркнуть сходство многих других веществ, использовавшихся в обеих школах, сколько указать на то обстоятельство, что и в китайской, и в европейской алхимии наименования двух главных реагентов заключают в себе один и тот же мистический смысл.

6. Обе школы или, по меньшей мере, их отдельные представители придерживались одного и того же учения о цикле изменений, в ходе которого драгоценные металлы способны вернуться к своим изначально неблагородным элементам.

7. Обе теснейшим образом переплетаются с астрологией.

8. Обе породили распространение магических практик и самого разнузданного шарлатанства.

9. И те, и другие изыскиваются одинаково вычурным языком, и характерный стиль европейской алхимии, столь выбивающийся из типичной для западного ума трезвости мысли, мог бы уже сам по себе достаточно ясно указывать на его происхождение из пышной фантазии Востока (*примеч. А.У.*).

[75] Godwin, *op. cit.* P. 43 (*примеч. перев.*).

[76] Гермес Трисмегист — знаменитый персонаж египетско-финикийских преданий, которому ставится в заслугу сохранение остатков древней религии. Ему приписывается авторство нескольких трактатов, в том числе "Изумрудной скрижали", которую, как утверждает Авиценна, сняла с его мёртвого тела в Хевроне жена патриарха Авраама, Сарра. Вот её перевод:

1. Речь моя не об измышленном, но лишь об истинном и самом верном.

2. Что находится внизу, подобно тому, что пребывает вверху, а что пребывает вверху, подобно тому, что находится внизу — тем и сотворены чудеса Единого.

3. Всё творение произведено было погружённым в созерцание Единым, а потому и всё сущее произведено было из этого Единого по принципу соответствия.

4. Отцом его является солнце, а матерью — луна.

5. Оно — источник всякого совершенства на земле.

6. Сила его совершенна, когда становится землёю.

7. Действуя осмотрительно и с рассуждением, отдели землю от огня и тонкое от грубого.

8. С величайшей прозорливостью вознесись с земли на небо, а потом снова спустишься на землю, и соедини воедино силу всех вещей, низших и высших. Так обретёшь ты свет целого мироздания, и вся темнота отлетит тогда от тебя прочь.

9. Вещь сия твёрже самой твёрдости, ибо превозможет она всякую вещь тонкую и пронизет собою всякую вещь плотную.

10. Ею образовано всё мироздание.

11. От неё происходит всё чудесное, таким образом установленное.

12. По причине той и зовусь я Гермесом Трижды Великим, ибо владею я сими разделами философии всего мироздания.

13. Сказанное мною о действии солнца сказано со всей полнотой (*примеч. А.У.*).

[77] Сэр Гемфри Дэви (Хэмфри Дэви, Humphry Davy, 1778 – 1829) — британский химик, агрохимик, физик и геолог, изобретатель, один из основателей электрохимии (*примеч. перев.*).

[78] Джамбаттиста делла Порта (Giambattista della Porta) (1535 – 1615) — итальянский врач, философ, алхимик и драматург (*примеч. перев.*).

[79] В "Исторических мемуарах", увидевших свет в 1687 году, содержится следующий рассказ:

"В 1681 году в Венеции поселился некий чужестранец, именовавший себя синьором Гаульди. Молва приписывала ему какие-то необыкновенно обширные познания и обладание прекрасной и ценной коллекцией картин, и тем он привлек к себе всеобщее внимание. Но было ещё одно обстоятельство, возбуждавшее к его особе острое любопытство: он никогда не обращался с прошениями о кредите и не получал в ответ ни одного письменного подтверждения о сём. Никогда не пользовался он и банкнотами своей страны для обмена денег. Однако он неизменно расплачивался за всё наличными средствами и жил на самую широкую ногу. Некий дворянин, замечательный знаток живописи, однажды обратился к синьору Гаульди с просьбой осмотреть его коллекцию, и просьба его была тотчас удовлетворена. Переступив порог, первое, что он заметил, был портрет самого Гаульди.

— Но это же ваш собственный портрет, — заметил дворянин хозяину.

Вместо ответа Гаульди лишь склонился перед ним в безмолвном поклоне.

— Сударь, по виду вам должно быть не более пятидесяти лет от роду. Но, насколько я понимаю, картина эта принадлежит кисти Тициана, а он умер вот уже сто тридцать лет тому назад. Как это возможно объяснить?

— Нелегко познать всё возможное, — ответил Гаульди, — но ведь нет ничего преступного в том, чтобы походить на персонажа, изображённого на портрете тициановой работы?

Дворянин ничего не сказал на эти слова, но впоследствии упомянул об этом обстоятельстве нескольким своим приятелям, и те решили проверить сами на следующий же день. Однако прежде, чем им удалось осуществить задуманное, они узнали о том, что синьор Гаульди отбыл в Вену" (*примеч. А.У.*).

[80] Porta, 1658. P. 160 (*примеч. перев.*).

[81] Быт. 3, 14 (*примеч. перев.*).

[82] Гёте И.В. Фауст (в переводе Б. Пастернака) (*примеч. перев.*).

[83] Предполагается, что двумя уважаемыми в мире алхимиков псевдонимами — Филалет (греч. "Любящий истину") и Космополит — воспользовался, добавив себе имя Ириней ("Мирный", тогда как другой Филалет . . . носил имя Евгений, т. е. "Благородный"), врач из Бостона в колонии Массачусетс в Америке, переехавший в Англию между 1646 и 1650 гг., Джордж Старки (он же Сторки и Старк; ум. 1665), неплохой химик, слывший при этом среди алхимиков шарлатаном. Псевдонимом "Космополит" пользовался шотландец Александр Сетон (ум. 1604), считавшийся одним из тех, кто открыл тайну философского камня. Другим истинным адептом, достигшим цели Великого Деяния, алхимики называли Евгения Филалета (по всей видимости, так именовал себя англичанин Томас Воген; 1621–1666), который, якобы побывав в Америке, передал некоторое количество философского камня семье Старки. Другие алхимики, в том числе и современные, в XX в., отрицали принадлежность вышеназванных книг Старки и заявляли, что их автор — истинный Филалет (не тождественный Вогану), родившийся в 1622 г., открывший философский камень в 1645 г., обретший благодаря этому бессмертие и скрывающийся до сего дня. (Элиаде М., 1998. С. 531-532) (*примеч. перев.*).

[84] Ср. Пс. 77, 2. Слово "гадания", присутствующее в русском синодальном переводе, в английском тексте Библии короля Якова, выражено словами "utter dark sayings", что можно перевести как "более уже не доступные никакому пониманию, тёмные высказывания", дошедшие "из древних времён" (*примеч. перев.*).

[85] Гебер (Абу-Мусса-Джафар-аль-Софи, 780 — 840) — алхимик, геометр и астроном, которого Роджер Бэкон называл учителем учителей, а

Кардан причислял к величайшим гениям мира. Собрание сочинений его по химии было напечатано в Лейдене под заглавием: "Gebri Arabis chimia". (ЭСБЕ, 1892. Гебер. С. 213) (*примеч. перев.*).

[86] Geber, 1686. P. 215 (*примеч. перев.*).

[87] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[88] Godwin, op. cit. P. 43 (*примеч. перев.*).

[89] Или Али Пули, по происхождению своему мавр, впоследствии принял христианство. Он является автором сочинения под названием "Centrum Naturae Concentratum". Известный исследователь эзотеризма Артур Эдвард Уэйт (Arthur Edward Waite), впрочем, считает это сочинение "чистейшей и явной подделкой", хотя и отдаёт должное глубокому его содержанию. Более подробно об этом см. Waite A.E., 2013. P. 353-354 (*примеч. перев.*).

[90] Alipili, 1696. P. 78-79 (*примеч. перев.*).

[91] Agrippa, 2009. P. 241 (*примеч. перев.*).

[92] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[93] Известный алхимик XVII века. В Предисловии к его сочинениям, изданным в 1632 году, о нём рассказывается следующее: "Автор этих трактатов, Жан д'Эспанье, одно время занимал должность президента парламента в Бордо, и расцвет его творческой деятельности пришёлся на период с 1600 до 1630 гг. Он получил широкую известность как философ-герметик и алхимик. До нас дошли только два его трактата: *Enchiridion Physicae Restitutae* и *Arcanum Philosophiae Hermeticae*" (d'Espagnet, 1623. P. 7) (*примеч. перев.*).

[94] Ibid. P. 12 (*примеч. перев.*).

[95] Ibid. P. 13 (*примеч. перев.*).

[96] Роджер Бэкон (ок. 1214 – ок. 1257) — английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец, профессор богословия в Оксфорде. Получил известность как "Удивительный доктор" (Doctor Mirabilis) (*примеч. перев.*).

[97] Bacon, Roger, 1597. P. 64 (*примеч. перев.*).

[98] Ibid. P. 76 (*примеч. перев.*).

[99] Ibid. P. 77 (*примеч. перев.*).

[100] Элиас Эшмол (1617 – 1692) — английский антиквар, алхимик и астролог. Основатель музея Эшмола в Оксфорде (*примеч. перев.*).

[101] Ashmole, Elias, 1652. P. 447-448 (*примеч. перев.*).

[102] Человек, допущенный к высшей степени посвящения. От ἐπ-οπτεία "созерцание" (третья и высшая степень посвящённости в Элевсинские мистерии) (Дворецкий И.Х., 1958. С. 651) (*примеч. перев.*).

[103] Blavatsky H.P., 1877. P. v (*примеч. перев.*).

[104] Ibid. P. vii (*примеч. перев.*).

[105] Мучительные, злободневные вопросы (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[106] Blavatsky H.P., 1890. P. 307-308. Последовательность абзацев указанной статьи в настоящей публикации не соответствует оригинальной (*примеч. перев.*).

[TUP Online Menu](#) (English)

Theosophical University Press, publishing and distributing theosophical literature since 1886: PO Box C, Pasadena, CA 91109-7107 USA; Email: tupress@theosociety.org; Voice: +1 (626) 798-3378. *Free printed catalog* available on request, or online at [TUP Catalog](#).

Издательство "Theosophical University Press" занимается публикацией и распространением теософской литературы с 1886 года. Почтовый адрес издательства: PO Box C, Pasadena, CA 91109-7107 USA; электронный адрес: tupress@theosociety.org; телефон: +1 (626) 798-3378. Принимаются заказы на *бесплатный каталог литературы в печатном виде*. В режиме онлайн с ним можно ознакомиться в разделе [TUP Catalog](#).